Лара Серохвост

Я – мать ваша!

18+

Лара Серохвост
Я – мать ваша!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71494312
SelfPub; 2024

Аннотация

Подросток Лара, старшая из четырех детей, взрослеет в непростое время начала девяностых. Полки магазинов пустеют, работы и денег нет. Чтобы выжить в деревне, семья вынуждена держать хозяйство. Безответственный отец пьет и не ночует дома. Вечно раздраженная мать волочит на себе быт, огород и детей.

Лара сталкивается со множеством вызовов как дома, так и за его пределами. Она старается изо всех сил сохранить семью и заслужить одобрение родителей. Однако мама и папа слишком заняты разборками между собой, чтобы заметить усилия дочери. Как Ларе выжить, если помощи ждать неоткуда?! И Лара находит отдушину – уход в фантазии.

Ты помнишь, как начиналось твое детское утро? Может, это были ласковые руки мамы и аромат свежесваренной каши? У Лары всё иначе. Проживи три недели с ней – ты взглянешь на мир по-новому.

Содержание

Июль 1991. Отчуждение 7
Понедельник. Опять я 7
08.00 Тюфяк 7
08.20 Петушиные бои 13
08.30 Поросячий хвостик 17
08.40 Запах смерти 21
09.20 С женой не повезло 25
09.50 Вкус ивы 30
10.15 Комья и камень 32
13.00 Птичка нашлась 38
16.00 Тарелка супа 41
19.30 Жалею тебя 45
20.00 Французский багет 47
20.30 Акробатика 50
20.45 Ковш воды 53
21.00 Сестра не соврет 58
22.00 Тихое место 61
Вторник. Насекомые 64
08.00 Сушить сухое 64
08.30 Взрослеет сестренка 66
09.30 Здоровье поправить 69
09.45 Орлом стану 71
14.00 Мамке не сдавай 78

14.30 Могила исправит 80
15.30 Идеальная форма 85
16.30 Торжество справедливости 91
17.30 Витаминная кинза 93
20.30 Обидно и стыдно 99
21.00 Взгляни ввысь 104
22.00 Ты тоже спи 107
22.15 Имена 109
Среда. Мужики не плачут 112
07.30 Детей не буди 112
10.00 Жмурки 115
10.30 Озеро Прозрачное 117
13.30 Чужая мама 119
14.30 Лицо боли 124
15.30 Хук с правой 125
16.00 Тяжело воспитывать 127
16.15 Нюхни кулака 130
19.00 Мать отошла 137
22.00 Придут и спасут 140
Четверг. Острые предметы 142
08.00 Голову снесу 142
09.00 В магазин 144
09.30 Сорта хлеба 145
09.45 Озноб в жару 146
10.00 Божий одуванчик 148
11.00 Ворон считала 151

11.30 Молочные огурчики 153
12.00 Радость и страх 157
16.30 Лязг металла 159
20.00 Крокодила позови 161
21.00 Хитрая и упрямая 164
22.30 Все будет хорошо 167
Пятница. Вне семьи 169
09.00 Червяк не еда 169
10.00 На Болотное 171
10.30 Спелая земляника 172
15.30 Вместе 175
17.00 Сахар помешай 176
18.00 Взаимная ненависть 178
Конец ознакомительного фрагмента. 180

Лара Серохвост
Я – мать ваша!

Дисклеймер

Все персонажи, события и места вымышлены; любые совпадения с реальными людьми, событиями, местами случайны и непреднамеренны.

Всё, что я когда-нибудь хотела,
это иметь дружную нормальную семью.

Июль 1991. Отчуждение

Понедельник. Опять я

08.00 Тюфяк

Волшебный рослый олень уверенно продвигался по сосновому бору, достойно неся огромные ветвистые рога. Лара следовала за ним. Босые стопы мягко ступали по пружинистой влажной почве едва заметной лесной тропинки. Вдали яркими красками заходило уставшее солнце, со всех сторон доносились трели вечерней переклички птиц, остро пахло хвоей, смолой и багульником.

У подножия скалы олень остановился, раздвинул многолетними мощными рогами кустарники рослого можжевельника. Показалась железная дверь…

– Подъем!

Лара проснулась от громкого крика. В голове медленно растворялись благостные картинки оленя, леса и двери. До чего чудесный сон приснился! Никогда раньше про животных не видела.

Одеяло, ускоряясь, поползло вниз по туловищу и слетело, обдав резким порывом прохладного воздуха. Лара вздрогну-

ла и открыла глаза.

Посреди комнаты стояла мать, широко расставив ноги и уперев руки в боки. Она оглядывала кровати братьев, находящиеся у противоположной от Лары стены.

Мама шагнула к Тимке – вспорхнуло его одеяло. Теперь уже два валялось на полу.

Лара свернулась клубочком и замерла. Нужно потерпеть…

– Спят они. Будто трудятся день-деньской. Ни стыда, ни совести! Восемь утра, солнце встало, а они дрыхнут. Мать вкалывай, обслуживай их, а они мордами подушки давят, – раздраженно выговорилась родительница.

Ее рука потянулась к третьей кровати, резко схватила одеяло и отшвырнула в центр комнаты. Старое ватное одеяло без пододеяльника перевернулось в воздухе и хлопнулось об пол.

Быстрый взгляд Лары обнаружил мокрое пятно на светлой простыне брата. Лара крепко зажмурилась: сейчас будет скандал!

– Твою налево, опять обоссался… – разочарованно произнесла мама, – Говори ему, не говори, все одно – в постель прудит. Ну-ка, поднимайся!

Семён быстро вскочил и привычно встал в изголовье кровати. Этой весной он начал вытягиваться (поздновато для шести лет, по мнению мамы). Удлинились руки и ноги, утратили былую мягкость. Остатки детской пухлости еще мож-

но было заметить по надутому животику, складочкам на шее да объемным щекам, скрывавшим глаза при смехе. Раньше в семье братика кликали «Малой», а с весны Лара и Тима незаметно перешли на уважительное обращение «Сеня».

Мать стянула посеревшую от старости и бесчисленных стирок белую простыню, взглянула на спальное место. Обивочная ткань по центру матраца основательно сгнила, мокрое пятно разлилось на треть тюфяка.

– Что за жизнь у меня такая?! За что я проклята с самого рождения?! Родители пропойцы достались, муж-алкаш, еще и дети вредные. Просишь по-человечески: «Не ссы в кровать», – а он опять. Где я тебе новый куплю-то?! Магазины пустые стоят, даже хлеб по талонам продают.

Мальчик-малыш Сеня сжался, наклонил голову. Тело его мелко затряслось, лицо скукожилось, по упитанным щекам побежали бесшумные слезы. А мать бесновалась: орала, проклинала, хваталась руками за волосы, воздевала кулаки к небесам, исступленно топала ногами.

Сеня поднес ладонь к сжатому в гримасе лицу и принялся сосать указательный палец.

Как же его жалко, маленького и беззащитного! Тело Лары сводило от напряжения, словно колючие змеи ползали внутри и разрывали органы.

Ты следишь, как бранят и стыдят беспомощного ребенка, и умираешь. Ты не в состоянии выносить боли другого, а тебя принуждают смотреть истязание малыша. Убежать…

прямо сейчас… куда глаза глядят.

Лучше бы досталось Ларе, чем наблюдать бесконечную пытку братишки. Так хочется обнять и успокоить его, но нельзя – мама сильнее рассвирепеет. Скорей бы ушла…

Лара в отчаяние взглянула на Тимку. Тот состряпал огромные глаза и медленно, едва заметно, покачал головой, донося послание: «Молчи, Ларк! Не заводи мать сильнее. Так она быстрее успокоится». Лара сжала челюсти до скрежета зубов.

– Ты, что, не понял?! – продолжала орать мама, – Я запрещаю тебе мочиться в постель! Ходи на горшок. Ясно? Отвечай!

Сеня медленно кивнул.

– И палец изо рта уже вынь, пока я его не отрубила. Глистов нам только не хватало ко всем бедам. Что за непутёвые дети уродились?!

Мама резко повернулась. Словно два вороньих крыла взметнулись и опустились на ее плечи гладкие блестящие черные волосы. Синие глаза впились в Лару, светлые звездочки на радужках потемнели и приступили метать острые железные искры. Те попадали в Лару и нещадно жалили. Тело чесалось и молило о пощаде, но Лара не шевелилась.

По крайней мере, первая, самая страшная, стадия утреннего подъема, закончена. Сейчас влетит Ларе, затем мать повернется к Тиме, бросит пару слов и уйдет.

– А ты что еще не одета? Разлеживается, тунеядка. Па-

пашка ее живет в свое удовольствие, и она туда же. Я из тебя дурь-то повыбью…

Лару подбросили неведомые силы. Она лихо схватила с изголовья кровати красное в белую клетку платье, натянула его за три секунды, сунула ладонь под подушку и вытащила желтую ленту. Одной рукой Лара обхватила волосы, другой обмотала на несколько раз бант вокруг гривы и завязала крепкий узел. Хвост готов.

Дальше следует заправить постель. Лара сложила одеяло ровно пополам, сверху накинула покрывало, подоткнула края, разгладила середину. Подушку встряхнула, развернула диагональю, аккуратно вдавила нижний угол внутрь и поставила парусом на кровать. Последний штрих – распрямила верхний уголок наволочки. Постель должна быть заправлена идеально, чтобы не расстраивать маму.

Лара вытянулась по струнке в ожидании заключительной фразы.

– Тюфяк положишь сушиться у сарая на доски, – проинструктировала родительница, – И смотри, чтоб с улицы не видно было, а то прибью. Хватит мне позора с папочки твоего любимого! Козлина недобитая…

Лара замерла, не шевелясь и не моргая.

– Что ты, бестолочь, уставилась на меня? – взвилась мать, – Быстро! И одеяло с подушкой не забудь. Можешь на ограду за сараями бросить.

Лара по привычному ловко закатала матрац Сени в рулон,

обхватила руками. Как противно воняет, аж глаза слезятся! Скорее вынести его отсюда на свежий воздух. Она с трудом подняла тюфяк, оголив поржавевшую металлическую сетку. Ох, когда-нибудь койка развалится…

Входная дверь в дом прилегала плотно. Лара открыла ее, толкая со всех сил спиной. На веранде нащупала босыми ступнями мыльницы, литые из голубого пластика ажурные туфли-тапочки. Пихнула вторую, дощатую, дверцу.

С улицы между ног пронырнул рыжий котенок. Лара попыталась его зажать, но зверюга оказался ловчее. Что же делать? В помещение запускать нельзя, снова под кроватью кучу наложит. Ладно, на обратном пути можно выгнать с веранды.

Лара вышла наружу. Силы покинули ее, матрац опустился на крыльцо.

Потряхивая руками для расслабления, она осмотрелась. Милое солнце привычно светило из-за невысокой, метров пять, скалы, расположившейся за участком соседей по другую сторону дороги. Еще ощущалась утренняя влажность и легкая прохлада, но день обещал выдаться теплым.

Лара вздохнула, сгребла в объятья тюфяк и посеменила вглубь двора. Повернула за сараи и бросила ношу на стопку аккуратно сложенных досок. Пускай выветрится и подсохнет. Главное, здесь его точно никто не увидит, маме позора не будет.

Их улица по имени Крайняя располагалась в конце посел-

ка и насчитывала по шесть частных жилищ по оба края дороги. По стороне дома Лары за участками протекал скромный журчащий ручеек. Весной вода разливалась широко, бывало, на пять метров, а в остальное, сухое время года, слабый поток осиливал перепрыгнуть даже ребенок и оказаться на Липовой улице.

Руки подрагивали, но Лара без отдыха рванула обратно. Мама сказала: быстро, значит – быстро!

Котенок Рыжик вальяжно развалился на веранде, тщательно вылизывая пушистый хвост. Ждет, кто бы его внутрь пустил. Нахал! Ходит в туалет исключительно под кровати. Убирай потом за ним. Уж нет! Лара попыталась стопой выгнать кота. Не тут-то было, Рыжик с радостью обвился вокруг ее ноги. Даже не подлизывайся! Лара схватила Рыжика за шкирку, аккуратно выставила его на улицу и быстро захлопнула наружную дверь. Когда уже любимый кот Барсик вернется?!

Вторым заходом Лара повесила одеяло на забор и умудрилась разместить рядом подушку. Всяко свежее будет.

08.20 Петушиные бои

Лара вернулась домой.

Братья в ожидании завтрака сидели на кухонном угловом диване, сколоченном папой. Сеня уже успокоился и беззаботно переговаривался с Тимой. Мама, гремя посудой, зырк-

нула хмуро, метнула пару металлических искр из глаз. Лара сжалась: опять не угодила…

– Что ты телепаешься нога за ногу волоча! Неужели быстрее нельзя?! На, кур покорми да яйца собери. – Мать сунула миску с пшеном.

– Мама, пожалуйста, пусть Тима сходит! – взмолилась Лара.

– С чего вдруг? – Родительница развернулась, посмотрела в упор.

– Я Борьки боюсь, – созналась Лара, – Он драться со мной лезет, взлетает и больно клюется.

– Вот дебилка, – с затаенным удовольствием протянула мать, – Даже с петухом справится не в состоянии. Палку возьми и огрей его как следует, прятаться впредь будет. А коли не в состоянии защититься, тогда пусть клюет тебя в темечко до самой до смерти. Невелика потеря. Царь Дадон ты наш!

Братья весело прыснули со смеху, повторяя: «Дадон!» – и показывая на Лару пальцами.

Она обреченно взяла миску, вышла на улицу, обогнула дом и медленно побрела навстречу судьбе.

На заднем дворе вдоль забора слева направо выстроились рядком хозяйственные постройки. В левом углу находилась баня, в десяти метрах от нее – собачья будка. Далее напротив дома располагался курятник и загон для выгула птицы. Затем стояли сарай и дровник, разделенные веревками для

сушки белья. В правом дальнем углу участка почетно высился туалет.

Пестрый коричнево-оранжево-красный Боря по-хозяйски важно разгулял по огороженному сеткой-рабицей загону. Издали завидев Лару, он резко встрепенулся, нахохлился, распушил хвост и неспешно приблизился ко входу. Наконец-то свершилось достойное внимания петуха событие – недруг явился.

Лара прерывисто вздохнула, обернулась на дом. Из кухонного окна выглядывали заинтересованные мордашки братьев – зрители готовы. Они помахали Ларе, а Тима указал на калитку: «Заходи!»

Здесь тебе никто не поможет, наоборот, они будут глядеть и радоваться твоим мучениям и бедам. Ты актер на отраду публике: чем тебе хуже, тем им веселее.

Лара подняла с земли толстую метровую палку, бывшую когда-то заборной штакетиной, и приблизилась к загону. Острая вонь куриного помета шибанула в нос: настоящий нашатырь, чистить бесполезно. Лара смахнула навернувшиеся от интенсивного запаха слезы и повернула задвижку. Боря распушился сильнее и издал победно-громкое «Кукареку!»

Сомнений, кто главный, у Лары давно уже не было. Она набрала воздуха в грудь и, не выдыхая, медленно приоткрыла дверь. Петух мгновенно всунул голову в образовавшуюся щель. Лара легонько ткнула его палкой – Боря попятился, а

Лара мгновенно промелькнула внутрь, захлопнула калитку и повернула вертушку. Не хватало еще, чтоб куры разбрелись по округе гулять, за такое мать шкуру без промедления спустит.

Лара схватила в кулак горсть пшена и бросила на землю широким жестом. Хотя бы куры не будут мешать. Борька подбежал и больно клюнул в щиколотку. Лара взвизгнула «Ай!» и треснула петуха палкой по спине. Боря не смутился, отступил назад, а потом как взлетит и долбанёт Лару в предплечье. Гад!

Она резко вытряхнула остатки пшена в кормушку и рванула к курятнику. Петух несся сзади. Лара влетела внутрь помещения и спешно захлопнула за собою дверь. Сердце стучало бешено. Время отдышаться и продумать стратегию отступления.

В дальнем углу под насестами лежала поклеванная белая курица, с кровоподтеками и выдранными перьями на правом бедре и животе. Птица еще дышала.

Лара нашла три яйца, положила их в миску и выглянула в окно. Борька важно шествовал в противоположный угол ограды. Если бесшумно открыть дверь, то есть шанс без драки проскользнуть в калитку – развернутый спиной петух не сразу заметит назойливого чужака.

Лара добежала до выхода и повернула щеколду, когда Боря настиг ее. Крепко схватив миску, она отвернулась. Петух клюнул в попу – Лара взвизгнула. Из открытой форточки ку-

хонного окна донесся громкий дружный гогот.

Лара выпала из ограды, зацепившись о высокий порожек и потеряв тапочек-мыльницу. Держа под мышкой посудину и тыкая Борю палкой в наглую морду, Лара ногой захлопнула дверь и потянулась к задвижке. Миска наклонилась, одно из яиц выкатилось и плюхнулось с хрустом на землю. Разбилось.

08.30 Поросячий хвостик

Из кухонной форточки раздался громкий крик матери:

– Яйцо подними и Волче отдай!

– Оно разбилось, – проорала Лара в ответ.

– Я видела. В руки собери и псу отнеси, придурочная! – велела мама, следом донесся веселый хохот братьев.

Поставив миску на траву, Лара подхватила ладонями склизкие остатки яйца вместе со скорлупой, бегом пробежала три метра и плюхнула содержимое рук в пустую кастрюлю.

Волча стрелой вылетел из будки. Лара присела и подставила ладони тыльной стороной. Пес облизал их и уткнулся мордой в миску. Послышался скрежет скорлупок по металлу.

Собаку взяли четыре года назад, когда переехали в этот поселок Черничное поле, или как по-простому называли его местные – Черничное. Три тысячи человек населения кормил деревообрабатывающий завод.

Одним вечером отец пришел с работы загадочно улыбающийся, вытащил из-за пазухи толстопузого пушистого щенка и опустил его вниз. Малыш попытался идти, но задние ноги на крашенном эмалью полу разъехались по сторонам. Забавно!

– Вот, хозяйка, смотри, охранника нам раздобыл, – обратился папа к маме.

– Какой из дворняжки охранник? – выразительно фыркнула та в ответ.

– Ты чего?! Это породистый пес. Чехословацкая волчья собака, помесь волка и собаки.

Мать внимательно присмотрелась.

– И правду похож… Только хвост уж больно поросячий, закручен в загогулину аж на два раза.

– Так щенок еще маленький, вырастет – хвост и распрямится, – пообещал отец.

Волча вымахал в крупного пса неопределенного окраса. Основная шерсть желто-серая, грудка и живот светлые, а верх темный, почти черный. На зиму вырастал объемный густой подшерсток и целое лето выпадал клоками.

К хозяевам Волча относился дружелюбно, чужих же в дом не пускал, гавкал с цепи во весь могучий голос. Отличался пес и двумя слабостями: любил отлучиться в самоволку да еду воровал у окрестных собак, домой вместе с чужой посудиной возвращался. Бежит, «поросячий» хвост колечком по сторонам виляет, а в зубах накрепко кастрюля зажата.

Вся деревня знала, где следы искать.

– Людка, – обращался народ к матери, – у вас часом нашей кормушки не завалялось? Волча недавеча пробегал, говорят.

Посудину находили подле будки или, бывало, внутри. Возвращали пустой и начисто вылизанной. А пес новую в очередную отлучку приносил.

Мать по первости замахнулась на собаку, но отец строго встал между ними:

– Потомка волков бить нельзя! Достойное животное такого обращения не выдержит, убежит.

Мама нахмурилась, но смирилась. Так бы и не трогала Волчу никогда, но, на беду, занесло в края заядлого охотника. Зашел тот к отцу в гости. Папа давай хвастать собакой, а мужичок строго глянул и говорит:

– Волча хорош, только это не помесь волка. Ростом недотягивает. Да и хвост у тех прямой, вниз опущен между задних ног, а у вашего – в два круга закручен и вверх поднят.

– Вот и я говорю: поросячий хвостик у него, не волчий, – встряла мать.

– Песик на лайку похож, – вынес вердикт охотник.

– Разве не черные они? – удивился отец.

– Лайки разного окраса бывают. Волча походит на западно-сибирскую, палевую. По крайней мере, след виден.

Охотник уехал, а статус пса резко понизился с благородного породистого на дворовую помесь лайки. Вместе со статусом потерял Волча и физическую неприкосновенность за

недостойные проступки. Подвел его «поросячий» хвост.

Мама сильно возмущалась, что два года никто надлежащим образом не воспитывал собаку, разбаловали.

– Даже с псом надули! Что за деревня такая?! Врут на каждом шагу, в магазинах обсчитывают, завидуют и грязью друг друга поливают. Зачем я только согласилась сюда переехать? Дерьмовый народец тут живет, – в сердцах выговаривала родительница.

Волча сильно удивился, получив от матери палкой первый раз, даже не убежал, лишь тихо взвизгнул. Глаза его расширились, холка опустилась, конечности подкосились. Хвост же медленно отмотал два круга по часовой стрелке – распрямился впервые в жизни – и лег ровно промеж задних лап, завернувшись вовнутрь.

Мама тогда ликующе улыбнулась и пообещала:

– Научу тебя послушанию, своенравная псина. Скоро по струнке будешь ходить и хвост по команде разгибать.

От скрежета яйца по металлу у Лары свело зубы. Под активным движением языка собаки посудина перекатывалась по земле. Волча, прекращай, пусто там!

Лара собралась уже уходить, как мать снова прокричала в форточку:

– Скорлупу обратно курам закинь, им кальций нужен.

Покушаться на имущество Волчи совсем не хотелось. Лара медленно поднесла руку к краю кормушки – пес расширил глаза, шерсть его приподнялась, морда оскалилась. По-

ка легонько. Еду таскать из-под собственного носа собака не позволяла даже хозяевам.

Лара схватила палку и резко потянула ею кастрюлю. Волча вскочил, принялся лаять, но цепь его держала крепко. Лара вытащила проклятую скорлупу, перекинула через ограждение курятника, палкой вернула посудину на место.

Пес обнюхал пустоту и умиротворенно прилег рядом, высунув язык и неспешно елозя «поросячьим» хвостиком по земле.

Лара подняла миску с яйцами и побрела домой в одном тапочке, аккуратно ступая голой стопой по траве, чтоб не запачкаться.

08.40 Запах смерти

Лара подала маме миску.

– Не ребенок, а сплошной убыток. В кого такой криворукой уродилась?! – отчитала мать, сделала секундную паузу и продолжила, – В бабку свою…

Тима за спиной матери показал Ларе язык и ткнул пальцем, жестами говоря: «Так тебе и надо!»

– Курицу в сарае заклевали. Живая пока. Я ее одну закрыла, – сообщила Лара.

Мать швырнула со всего маху кухонное полотенце на табурет.

– Ни единой хорошей новости от тебя не услышишь,

сплошные проблемы. Нет бы радостной весточки хоть раз домой принести. – Она выключила плиту. – Что этим курам поганым надо?! И мел им ношу, и витамины даю, и комбикорм покупаю. Все равно им чего-то не хватает, сволочам. Перерубить их уже всех разом и не мучаться…

Мама взглянула на Лару, пелена в материнских глазах рассеялась, заискрились металлом звездочки.

– Пойдем! – Мать схватила огромный нож. – Тазик большой захвати.

– Почему опять я? Пусть Тима хоть раз сходит! – возмутилась Лара.

– Ах, ты бесстыжая! Лишь бы ей отдыхать… Сама или помочь? – Родительница указала взглядом на висящий на стене кипятильник, шнуром от которого уже не раз перепадало детям.

Лара вздохнула и обреченно поплелась вслед.

Вдвоем спустились с крыльца. Мама обернулась и, тряся рукой с ножом, взревела:

– Смерти моей хочешь?

Лара от неожиданности аж подпрыгнула, дышать перестала.

– Нет, – ответила она и для добавления убедительности покачала головой.

– Тогда какого лешего в одном тапке разгуливаешь? – Мать смотрела в упор.

– Второй у кур остался, за порог зацепился.

– Глаза б тебя не видели. Надо же уродиться столь тупой. Снимай этот тоже! В одном сапоге или носке ходить – к погибели матери. Примета такая.

Родительница развернулась и размашисто зашагала во двор. Лара босиком семенила вослед, держа одинокий тапок в руке.

Петух Борька, завидев мать, забился в дальний угол загородки, уткнулся клювом в землю и замер. Только глаз шевелился – хозяйку наблюдал. Мама ступила в куриный загон, метнула Ларе вторую мыльницу.

– Лови, полоумная!

Через минуту мать вышла из курятника, крепко держа поклеванную несушку за бока. Волча, завидев будущую еду, одобрительно загавкал. Мама прошествовала к чурке перед сараем. Она вытащила топор, резко кинула куру на пень и размахнулась.

Лара успела отвернуться в последний момент – послышался хруст и стук. Тело протрясло крупной дрожью. Как легко мама умеет убивать! Ни лишней мысли, ни жалости. Лара обернулась – ко псу летела куриная голова. Собака подпрыгнула, схватила добычу и принялась с урчанием грызть. Рот Лары заполнился тягучей горькой слюной, затошнило.

– Топор и тот тупой, – возмущалась мама, – Что стоишь? Сбегай в кладовку за наволочкой с перьями. Живо!

Лара принесла и поставила мешок перед матерью. Та положила куру в таз и велела:

– Ощипывай, я пойду кашу доварю.

– Я не умею.

– Что сложного?! Смотри, берешь несколько перьев и выдираешь, в наволочку складываешь. Много сразу не хватай, не вытащишь.

Уходя, мама обернулась, дала наказ:

– Курицу одну ни при каких обстоятельствах оставлять нельзя. Или я тебя вместо нее в супе сварю. Ясно?

Совсем как Баба-яга в сказках сделала бы. Лара через силу улыбнулась и кивнула.

Избегая смотреть на место казни, она присела на корточки и принялась выщипывать перья со спины несушки. Сладковатый запах крови бил в нос, вызывая тошноту. Лара старалась не прикасаться к тушке еще теплой птицы, захватывала перьевую массу поверху.

Работа оказалась тяжелой: пальцы проскальзывали. Выдернув верхний слой, Лара ухватила мягкий внутренний и с легкостью вытащила. Не перо, а пух, тончайшие ворсинки колыхались на воздухе даже без ветра. Лара оттянула руку и посмотрела сквозь округлое пушистое перышко на небо. Какое милое облачко получилось бы!

Она очистила спинку птицы, когда показалась мать, держащая нож.

– Что копошишься? Ничего толком сделать не в состоянии. Иди домой! Сестру разбуди и в порядок приведи. Потом завтракать будем, каша напаривается.

09.20 С женой не повезло

Лара прошла в бывшую родительскую спальню, здесь ночевали мама и младшая из детей Кася. Отец давно обитал отдельно, в большой комнате.

Сестра смешно сопела во сне: втягивала воздух с шипением через нос, а выдыхала ртом, опуская нижнюю губу.

– Косуля, вставай! Утро уже, кушать скоро будем. – Лара погладила малышку по голове.

Кася недовольно хмыкнула, потянулась и села на кровати. Лара одела ей ситцевое платье, желтое в красный цветочек, и серые носочки. Затем причесала сестру и, с трудом собрав короткие волосы на макушке, заплела миниатюрный хвостик-пальму. Они прошли в кухню и сели дожидаться родительницы.

Та вернулась злая. Засунула куру в холодильник, нещадно ругаясь:

– Ни единого ножа острого в доме нет. Мужик есть, а ножей нет! Как мне это надоело!

Мать из широкой низкой кастрюли отложила в отдельную тарелку кашу Косуле, оставшуюся массу разровняла, поделила на четыре равных сектора и выставила посудину на центр обеденного стола.

– Ешьте! – велела она.

Лара бросила быстрый взгляд на еду: сегодня густая пшен-

ная, форму хорошо держит, за границы не расплывется, братья по краям не подъедят. Успокоившись, Лара усадила Касю в низкий детский стульчик, уселась на пол перед сестрой и принялась, долго дуя на каждую ложку, кормить Касю.

Родительница тем временем вытащила из хлебницы четвертинку буханки черного, положила ее на разделочную доску на втором, хозяйственном, столе и приступила к нарезке. Нож безобразно давил мякиш хлеба. Мама откинула тупой инструмент, схватилась за следующий.

Незримое напряжение повисло в пространстве: мать раздувалась воздушным шариком; скоро взорвется и разбрызгает вокруг тысячи невидимых колючек. Больно будет всем.

Сжавшись, Лара кормила сестру и наблюдала: хлеб снова лишь мялся.

– Все тупые, – сокрушалась мать и грозилась, – Ими бы яйца скотине пропитому отрезать!

Она отшвырнула в ярости нож, тот ударился о стену и упал на пол, воткнувшись острием. Тима восторженно распахнул глаза и радостно хмыкнул.

Мама не сдалась, а достала из ящика третий инструмент, гораздо крупнее первых двух. Она ожесточенно принялась пилить несчастную четвертинку – хлеб то резался, то давился.

Хлопнула дверь на веранде.

– Кого нелегкая принесла?! И так сплошные проблемы, – со вздохом прокомментировала родительница.

Во внутреннюю дверь постучали. Вошла улыбающаяся соседка из дома напротив.

– Людка, займешь соли? – с порога попросила тетя Лида и, зайдя в кухню, протянула солонку из толстого рифленого стекла, – Закончилась у нас.

– Нельзя соседям соль занимать, – монотонным голосом отчитала мать, – Одолжишь – в ответ насолят.

– Тьфу, опять я забыла. – От досады тетя Лида махнула рукой.

Мать довольно улыбнулась.

– Ничего, сейчас порешаем, – успокоила она гостью и обратилась к Ларе, – Старшая, найди-ка монету поменьше у меня в кошельке.

Лара бодро вскочила с пола, схватила потрепанный вязаный кошель и, покопавшись, вытащила десять копеек.

– Тете Лиде отдай и скажи: «В долг даю», – проинструктировала мама.

Лара повторила заветные слова, протянув монету соседке. Та взяла, прищурилась и спросила:

– Сколько лет-то тебе уже?

– Тринадцать.

Тетя Лида развернулась к матери, произнесла:

– Дочка твоя красавицей растет.

– Чего удумала! – фыркнула мать и вскочила с табуретки.

Она подошла к Ларе, схватила ее за предплечье и, указывая пальцем, обратилась к соседке:

– Внимательнее посмотри! Нос картошкой, глаза коровьи и губ нет. Тощая, неуклюжая. В бабку, Витькину мать, уродливостью пошла. Пока худая, потом в бочонок на ножках превратится. Где красоту ты только углядела?! Вот Тимка… – мама призывно махнула рукой.

Брат бросил ложку на стол, вылез с углового дивана и послушно встал рядом с Ларой.

Мать продолжила говорить:

– Смотри, очей не оторвать! В меня весь: подбородок волевой, губки пухлые, нос ровненький, брови знатные, волосы черные и гладкие. А глаза какие?! Цвета синеватой стали и светлыми звездочками по радужке. Не зря бабушка меня Звездоглазкой называла… Тима единственный из детей в меня пошел, остальные отцовской породы: болотный мутный взор, волосы-мочалка. Кажется, копна, а в пучок сожмешь, так кот наплакал – до чего жидкие. Разве что пыль в глаза пускать годится.

Мама замолчала, победно улыбнулась и окинула взглядом стоящих детей.

– Ну-ка, встаньте бочком! – велела она.

Лара и Тима послушно подвинулись плечом к плечу. Мать положила ладонь на голову брата и медленно переместила к середине уха Лары.

– Тимоша на два с половиной года младше сестры. А, вишь, высокий какой! Скоро догонит и перегонит. Статный богатырь растет.

Родительница гордо взглянула на соседку. Та, улыбаясь и покачивая головой, произнесла:

– Странные дела творятся… Дочь хвалю, а мать против.

– Нечего ее хвалить! – возмутилась мама и поджала раздраженно губы, – Возгордится, зазнается, испортится. Место свое знать должна, а не комплименты получать забесплатно.

Мать обратилась к стоящим детям:

– Чего замерли? Идите ешьте! Каша стынет. Нас еще прополка картошки ожидает.

Лара и Тима присели по местам.

– Теперь, Лида, соль у меня покупай! – продолжила прерванный ритуал мама.

Они с соседкой весело рассмеялись, за ними вслед захохотали и братья. Мать отсыпала тете Лиде соли, та заплатила монетой и поблагодарила. Женщины помолчали, тишину нарушила гостья.

– Витька так и не объявился? – сочувственно спросила она.

– Подлец несчастный! – взвилась мама, – Как в пятницу вынес из дома телевизор, с тех пор не видела. Пьет, сволота, с дружками. Что б им всем неладно было! Сегодня в первую смену работает, к четырем ждем. Уж и не знаю, доберется ли, не налакавшись по пути. Козел упитый!

– Мы его в пятницу видели, телек со Степанычем нес.

– Чего не остановили? – упрекнула соседку мать.

– Откуда нам было знать, что на запчасти он телевизор

продал. Мы подумали, наконец-то руки дошли в ремонт отдать.

– Пропить у него руки хорошо доходят… – пробурчала мама.

– Он на тебя сильно жаловался. Говорит: «Не повезло мне с женой. Орет да проклинает, ни капли любви от нее не вижу», – как на духу выложила тетя Лида.

– Ой, скотина! Не просыхает, ночует абы где… А с женой ему не повезло!

– Ладно, держись, Люда! Пойду я завтрак варить. – Соседка попрощалась и ушла.

Братья, доев, переместились в детскую. Мама свою кашу заглотила с невиданной скоростью. В кастрюле остался лишь съеденный наполовину сектор Лары.

– Чего рассиживаешь? – поторопила мать.

– Я Касю кормила, – оправдалась Лара.

– Видела. Давай быстрее ешь, некогда жизнью наслаждаться. Впереди дел непаханое картофельное поле. – Мама отвернулась и принялась паковать бутерброды.

09.50 Вкус ивы

Лара доела, поднялась из-за стола и направилась в детскую.

– Куда пошла? – резкий окрик матери заставил застыть на месте.

– Переодеваться на картошку, – не моргая, ответила Лара.

– Кроликов сначала сходи покорми и воды им дай, – бросила мать, даже не взглянув на Лару.

– Они же отцовские! Батя обещал за ними ухаживать, когда заводил. – Возмущению Лары не было предела.

– Так им теперь от голода помирать, если твой любимый папочка веселится четвертый день подряд?!

– Почему опять я… – безысходно прошептала Лара.

– Отец пьет и отдыхает. Значит, ты за него работаешь. Не мне одной страдать. Иди за участок, сорви каждому кролю по паре веток с осины или березы да в клетку пихни. Батька вернется – травы им накосит.

Лара нацепила мыльницы, вышла со двора через заднюю калитку и приблизилась к ручью, берега заполонили молодые деревца и высокие заросли ивы.

Вы когда-нибудь рвали ветки? Нужно правильной техникой владеть – прутик следует резко потянуть против направления роста. Береза и ольха отходят без проблем, а вот богатая листьями ива – трудный кустарник. Ее гибкая кора не желает отделяться от основы в месте слома, а тянется до земли, крепко удерживая отрываемый кусок. Тут выбор невелик: либо сдаться, либо зубы подключить.

Лара положила кроликам веток, подлила воды и направилась домой. Горько-терпкий, вяжущий вкус ивовой коры с легким ароматом зеленых яблок еще сохранялся на языке и во рту.

10.15 Комья и камень

Домашние уже переоделись в спортивную одежду и собрались на крыльце. Братья держали за поводок рвущегося на свободу Волчу.

– Что так медленно? – сердито буркнула мама, поправляя черенок тяпки, – Мы готовы, одну тебя ждем. Одевайся быстрее!

Лара влезла в короткие черные спортивки и старую бежевую футболку, на ноги – любимые голубые мыльницы, обувь на все времена.

Семья тронулась в путь. Братья с мамой шли первым рядом, Тима гордо нес тяпку, мать – сумку. Позади плелись девочки, Лара крепко держала Касю за ручку.

Картофельные поля начинались в конце улицы, с правой стороны. Надел семьи был последним. Дорога по проселочной грунтовке заняла, как обычно, десять минут.

Волчу отпустили по выходу из поселка. Пес тотчас свернул в ближайшие кусты, послышался плеск воды. Довольный Волча вылез из зарослей, встал перед всеми на дороге и основательно отряхнулся. Вонючие серые брызги попали на одежду и лицо, особенно замочив первый ряд идущих.

– Сволота, а не собака! Ему свободу даруешь, а он в ответ грязью обливает. Пшел отсюда, пес смердящий! – Мама пнула ногой в пустоту.

Волча завилял хвостом – двойной загогулиной и уступил хозяйке путь.

Поле располагалось на невысоком холме. Карабкаясь и задыхаясь, компания забралась наверх. Лара вспотела, таща за собой сестру.

Мама постелила в тени деревьев покрывало для Каси и Сени, завела будильник на полпервого и повесила на высокую березу холщовую сумку с едой, чтобы Волча не уволок.

Косуля и Малой в сопровождении пса умчались в подлесок, примыкающий к полям.

Тиме и Ларе мать выдала старые шерстяные варежки, приступили к работе.

На поле, месяц назад основательно прополотом, опять выросли сорняки. Одиноко высились хвощи-елочки и колючие растения с крепким толстым корнем, уходящем вглубь земли. Ларе не всегда удавалось выдернуть «колючку» целиком, корень обламывался на середине, трава возрождалась к очередной прополке.

– Мама, мы ведь уже два раза пололи. Сколько еще надо? – спросила Лара и тут же пожалела.

Родительница взглянула исподлобья и с нажимом произнесла:

– Сколько надо – столько будешь. Приступайте!

Попами кверху Лара и Тима понеслись по первому ряду с разных сторон, расшатывая и вытаскивая сорняки. Рослые колючки нещадно жалили сквозь рукавицу. Лара сообразила

сначала прижимать листья растения к стволу, а затем хватать за них. Колоться стало реже.

С братом встретились на середине, шагнули на второй рядок, развернулись и побрели друг от друга, вырывая траву.

Мама приступила окучивать первый выполотый ряд. «Тяп-тяп-тяп», – доносилось с ее стороны.

Лара переместилась в начало третьего ряда и едва наклонилась, как по спине чем-то сильно стукнуло. Она вздрогнула, осмотрелась вокруг. Спокойствие и тишина. Что это было? Неизвестно.

Стоило Ларе снова нагнуться, как в бедро что-то больно прилетело. К счастью, на сей раз она успела заметить упавший сухой кусок земли. Глянула на Тимьяна. Тот с невинной физиономией полол траву. Паразит!

Лара подыскала маленький, но плотный ком почвы. Стоило брату повернуться задом, она швырнула находку и с непричастным видом продолжила работу. Поравнявшись, они вытащили языки и ткнули один другого в бока.

– Я вам сейчас покажу! Драться на поле вздумали, поганцы! – раздался грозный рык матери.

Время на прополке четвертого ряда прошло мгновенно. Пока руки на автомате выдергивали сорняки, Лара высматривала подходящие земляные снаряды и уворачивалась от бесперебойно летевших со стороны Тимы. Работа спорилась.

Пару раз брат попал в цель. Было больно, до синяков, но Лара молчала, а Тимка беззвучно хихикал. Главное, чтобы

мать не заметила.

Однажды Тимьян опасно промахнулся и попал маме в плечо. Лара ахнула про себя и без промедления углубилась в прополку, тайком поглядывая на родительницу. Та посмотрела в небо и неуверенно пробормотала:

– Кажется, птичка что-то бросила…

Тима и Лара нацепили серьезное выражение лица, распрямились, взглянули вверх. И правда, в небесах парило несколько мелких пернатых, усиленно машущих крыльями. Повезло!

Брат ответил первым:

– Наверное. Птицы многое в клюве переносят… Но я ничего не заметил.

Лара присоединилась:

– Я тоже не видела, картошку полола.

Мать отвернулась, продолжила тяпать, а Лара и Тима хитро посмотрели друг на друга и бесшумно рассмеялись: «Птичка бросила».

В половине первого прозвенел будильник, родительница громко объявила:

– Перерыв на обед. Полчаса.

Лара скинула варежки и наперегонки с Тимой рванула к месту отдыха. Добежали одновременно и уселись на продолговатый, полметра высотой, гладкий камень. Попу жгло огнем. Хорошо глыба нагрелась под палящим солнцем!

Из леса появились замазанные черникой Сеня и Кася, у

братика губы синюшные, сестра же фиолетовая вся: и руки, и забавная рожица. Мать смочила водой носовой платок, первым слегка вытерла лицо и руки Малого, затем тщательно – Косулю.

Родительница повернулась к старшим детям. Спокойствие сбежало с ее лица, блеснул синевой ледяной взор, раздался вопль:

– Твою налево… С камня слезь сейчас же!

Лара подскочила словно ужаленная. Тимофей уже стоял рядом, пуча недоумевающие глаза: «Что случилось?»

Мать обратилась к брату:

– Ты можешь сесть.

– А я? – воскликнула Лара.

– А ты – нет, – строго запретила родительница.

– Но почему? – задыхаясь от обиды, прохрипела Лара.

– Девочкам нельзя сидеть на холодном – застудишься.

– Но камень горячий.

– Прекрати со мной спорить сейчас же! Пока я… – Взгляд матери заскользил по округе, выискивая способ наказания.

– Хорошо, – Лара, не мешкая, согласилась с неозвученным доводом.

Мама швырнула носовой платок Тиме.

– Сам руки вытри, потом придурочной сестре передай.

Родительница выдала каждому по куриному яйцу и ломтику черного хлеба, смазанного маргарином и посыпанного сахарным песком. Братья быстро проглотили обед и залезли

вдвоем на чудесный теплый камень. Лара с завистью взглянула на них. Тима заметил и показал язык: «Так тебе и надо». Не удержавшись, Лара пожаловалась:

– Мама, а Тима задирается.

Брат возмущенно закричал:

– Ничего я не…

– Хватит! – прервала его мать и схватилась за голову, – До чего вы меня достали своими перепалками. Сил больше нет. У вас есть всё, о чем я в детстве лишь мечтала: сыты, одеты-обуты, в мире живете, родители каждый день не напиваются, скандалы с мордобоем и поножовщиной не устраивают. Нет ни пьянок дома, ни драк, ни крови, ни милиции. Чего вам еще надо?! Неблагодарные. Изверги, а не дети.

Лара опустила глаза. Почему она не сдержалась? Ведь знала, чем дело кончится: виноватой и останется.

Скорлупки мама собрала в тот же самый носовой платок, которым руки обтирали: «Обратно курам отнесем». Она по очереди налила детям воды из литровой стеклянной банки в общую эмалированную кружку.

Попив, Лара пошла в лесок. Она ела чернику, когда раздался громкий призыв:

– Час дня, за работу!

Рискни отказаться…

13.00 Птичка нашлась

Нехотя напялив грязные шерстяные рукавицы, Лара встала у начала рядка. Осмотрелась – полполя впереди. Жутко клонило в сон, ей всегда хотелось спать после еды. Как же нестерпимо жарко, солнце палит нещадно! Лара закатала штанины спортивок. Ветерок облегчил состояние, обдувая нежно ноги.

По команде мамы Лара и Тима двинулись навстречу друг другу. Брат, не стесняясь, закидывал болючими комочками земли. Тело Лары тяжелело, веки опускались, она с трудом держалась на ногах, не было сил даже закрываться от летящих «снарядов», не то, что защищаться и метать в ответ.

Встретившись с Тимкой на середине рядка, Лара ему прошептала: «Прекращай! Я больше не хочу!» Брат нагло усмехнулся.

Они расходились, а Тима продолжал бросать и попадать. Он беззвучно смеялся и дразнился, показывая пальцем мишени. Лара терпела: рано или поздно брат устанет и успокоится. Но тот не сдавался. Наконец ком приземлился в щеку Лары. Она подняла «снаряд» и гневно швырнула обратно.

– Так-так, наша птичка нашлась, – не предвещающим ничего хорошего тоном медленно протянула мать и самодовольно улыбнулась. Брат ухмыльнулся.

Черт, подловили! Попробуй теперь объяснить…

Лара обернулась к родительнице.

– А ты мать провести, значит, решила? – Звездочки в ледяных глазах мамы метнули пару металлических искр.

– Это Тимка швырялся, достал меня. Я лишь последний раз кинула в ответ.

– Не знаю, я видела только тебя.

– Но он первый начал, – настаивала Лара.

Мама спросила у Тимофея:

– Бросал? Сознавайся лучше по-хорошему!

Испуганный Тима медленно покачал головой.

– Видишь, он не делал, – подвела итог мать.

– Врет! – яростно крикнула Лара.

– Хватит на брата спирать! Чуть что – Тимка да Тимка, а она невинная овечка. На этот раз не отвертишься. На воре шапка горит, будешь наказана.

– Опять только я?!

– Да что ты заладила: «Я, опять я, снова я»?! «Я» – последняя буква в алфавите. Провинилась – получай. Поли давай быстрее, моду взяла со мной пререкаться!

Лара замолчала, наклонилась и пошла выдирать сорняки, глотая слезы. Всегда виновата она одна, мама никогда ей не верит.

А Тима еще долго исподтишка кидался окаменевшей почвой.

***

В три часа поле закончилось, семья устало побрела до-

мой. Мыльницы нещадно натирали стопы, измазанные землей. Кася капризничала и просилась на ручки. Лара подняла сестру, но мама тотчас накричала:

– Поставь ее, не хватало грыжу заработать. Потом вози тебя по докторам! Мне что заняться больше нечем?! Ишачу на вас с утра до ночи, а в ответ лишь «дай» да «погулять» слышу. Когда чего хорошего дождусь? Не видать мне благодарности до самой смерти.

Лара опустила сестру. Всю обратную дорогу Кася ныла и отказывалась идти, а Лара ее уговаривала.

На подходе к их улице Тима предложил:

– Матуля, давай Волчу сейчас привяжем! А то удерет опять.

– Удерет – накажу! Пес правила знает, – строго ответила мать.

– Откуда ему знать?! – изумился брат, – Он ведь животное.

– Я его не первый год воспитываю, пора бы запомнить. А если не удосужился – научу! Через розгу до всех быстро доходит.

Волча, завидев первые строения, привычно дал деру – нырнул в ближайшие кусты. Хвост загогулиной махнул на прощание и скрылся среди густой зеленой листвы. Послышался плеск воды, плюханье, хлюпанье, треск ломающихся веток и шелест травы. Всей семьей звали его обратно, свистели призывно. Зазря – пес не вернулся. Инстинкт бродяж-

ничества оказался сильнее благородного воспитания.

– Гаденыш! Снова в самоволку ушел. Придет – так отлуплю, что мясо от костей отойдет. – Погрозила кулаком мать и предвкушающе улыбнулась.

16.00 Тарелка супа

Во дворе Лара направилась к уличному водопроводу, что работал исключительно летом, в холода трубы замерзали, по весне оттаивали. Хорошо хоть так, дома-то воды вообще нет, зимой приходится на колонку за тридевять земель брести.

Она умылась, очистила распухшие натертые ноги. На задней поверхности правой пятки сияла пузырем солидная мозоль. Лучше не протыкать, сама подсохнет и сойдет.

Лара привела в порядок Касю, отвела малышку в спальню и уложила в кровать. Сама прилегла сбоку, обняла сестру, чтоб та заснула быстрее, и задремала.

Встрепенулась Лара от вздрагивания провалившейся в сон Косули. Тело ломило от усталости, тяжелые веки не открывались, но Лара мужественно встала с кровати и направилась в кухню.

Мать разделывала утреннюю курицу и грозила отрезать яйца пропитому козлу. Взгляд Лары скользнул на будильник – четыре вечера, отец не явился с работы.

– Иди, животным воды налей, – даже не повернувшись, приказала мама, – Курам, кролям и негодному псу плесни.

Вдруг вернется гаденыш. Потом шесть картошин подкопай и вымытыми принеси.

В пять часов родительница позвала ужинать. Семья расселась по местам вокруг стола: братья на диванчике, Лара и мама на табуретках. Сонную, только что проснувшуюся, Касю усадили в стульчик для кормления.

Мать разлила по тарелкам куриный суп с лапшой и положила по кусочку мяса, Ларе досталось крылышко. Застучали интенсивно ложки. Суп глотался легко, а вот с курицей справиться оказалось сложнее. С мягкой сочной кожицей Лара разобралась быстро, мясцо же сопротивлялось: тянулось и не отрывалось от кости. Откусанный с трудом кусок приходилась жевать минутами.

Со стороны братьев донеслось приглушенное хихиканье. Пацаны с веселыми лицами намеренно видно нажевывали курицу, словно жвачку, отчаянно жестикулируя губами и широко отставляя челюсть вперед. Лара беззвучно рассмеялась.

Хлопнула громко ложка о стол – Лара вздрогнула.

– Твою налево… весело им, что курица жесткая. Старая, вот и затвердела. Молодыми их положено есть.

Улыбки братьев мгновенно погасли. Лара и остальные дети прикрыли рты, выпрямили спины, замерли.

– Да я в детстве о курице и не мечтала!

Глаза родительницы заволокло пеленой, исчез металлический блеск, погасли звездочки на радужке. Мама уплыла да-

леко, в чужое пространство и время, и оттуда тонким детским голоском рассказывала о пережитом:

– Вам и не снилось, каково жить в алкогольной семье. Я последней родилась, последыш. Старшим сестрам тринадцать и двенадцать лет, брату – девять. Они втроем играют, я им неинтересна: брожу малышкой одна, сама по себе. Родители спились окончательно: вечером водкой заливаются, ночью дерутся, днем отсыпаются. Как на работы умудрялись являться, ума не приложу.

В садик я не ходила, родичам некогда было меня отвести. Денег у нас не водилось, все на водку тратилось. Вместе с подругой из такой же семейки мы бродили днем по улицам и собирали мелочь на дороге. Иногда выпрашивали у прохожих: «Дядя, дай копейку, на хлеб не хватает». Купим банку сгущенки и печенья, заберемся на чердак, кушаем. Вся наша еда на сегодня. Тут же, на чердаке, и ночевали.

Как мать с батькой сильно в запой уйдут, соседи меня в интернат отведут. Оттуда бабе Дусе, отцовской матери, сообщат, та опеку оформит. Хорошо у бабушки было, спокойно. Жила бы у нее, горя не знала. Так нет же! Алкаши проспятся: «Где Людка?» – пить завяжут на месяц, им меня обратно от бабули и отдадут. Зря! Родители продержатся пару недель, и по новой: запой, интернат, бабушка, дом.

Мама сгорбилась: обмякло тело, опустились плечи, поникла голова. Лицо потеряло жесткость черт, накуксилось, губы поджались. Перед ними сидела обиженная малышка –

девочка лет пяти, не старше. Одинокая, брошенная, никому не нужная.

Сердце Лары разрывалось от жалости, глаза наполнились слезами. Бедная мамочка, как же ей тяжело было, ее никто не любил, о ней никто не заботился!

– Так что, да. Я мечтала о тарелке супа на столе… чистом доме без скандалов и драк, – подвела итог мать.

Жизнь остановилась. Побледнели и вытянулись лица братьев. Они, прекратив жевать, проглотили кусками куриное мясо. Лара повернула голову к сестре. Кася сидела, замерев, с пустой ложкой в опущенной руке. Поймав взгляд Лары, Косуля выдохнула и засуетилась. Ложка выпала из ее ладони и стукнулась об пол.

Звук вырвал из безвременья маму. Поволока с глаз спала, блеснуло металлом, забелели звездочки, выцветшие от непролитых слез и детского горя.

– Вы чего застыли? – удивленно промолвила она, – Давайте ешьте быстрее! Дел невпроворот, а они время тянут.

Жизнь возвращалась, Лара опустила ложку в тарелку.

Первым поел Тима. Встал из-за стола со словами:

– Спасибо, матуля, суп очень вкусный!

Мама на секунду замерла, затем пробормотала:

– Ой, я ведь специй забыла положить…

Дети переглянулись, заулыбались. Какое счастье! Пряные травы сильно противные. Укроп, петрушка, сельдерей, зеленый лук. А кинза?! До тошноты мерзкая.

– Смеются они над старой матерью. Нет бы напомнить! Стараюсь для них, вывариваю. Ни стыда, ни жалости у всех четверых. – Мать скупо заплакала.

Тимофей подошел к ней, обнял за плечи и утешил:

– Ничего, матуля, не переживай. Завтра в суп много травы положим. Я напомню.

– Ага, напомните вы! Так я и поверила. Теперь сама не забуду…

Братья убежали во двор. Лара, покушав, тоже поблагодарила за вкусный суп и решилась отпроситься:

– Можно я пойду погулять ненадолго?

– Мать едва на ногах держится, помощь нужна, а ей лишь бы сбежать от обязанностей. Дочь называется.

– Пожалуйста, хоть на часок, – продолжала молить Лара.

– У тебя еще остались силы? Отлично! Сейчас придумаем дел. Иди огород поливай, тунеядка.

Лара грустно вздохнула и отправилась на улицу.

19.30 Жалею тебя

Поливка огорода – дело простое, хоть и длительное. Главное – никогда не орошать огурцы холодной водой, только теплой, из бочки.

К семи вечера Лара завершила водные процедуры для растений и собственных ног (жидкость из лейки всегда выплескивается наружу). Домой идти не хотелось. Лара присе-

ла на лавочку, скинула мокрые мыльницы.

Солнце опускалось, жара утихала, по влажной коже ног пробегал теплый ветерок. Лара закрыла глаза и прислушалась. Где-то на улице весело смеялись дети, вдали тарахтел мотоцикл, на окрестных деревьях переговаривались птицы. Внимание привлек тихий шелест, подобный гулу осиного улья или журчанию ручейка. Что за дерево?

Лара оглянулась по сторонам. Высоченная ольха росла прямо за забором. Ствол как хобот слона, и ветки собрались на самом верху, там, где гуляет свободный ветер. Лара снова прикрыла веки и вслушалась в шуршание листьев. Таким звуком потрескивает ток в проводах, сыпется песок, ливень обрушивается на землю и стучит по крыше. До чего радостно побыть одной!

– Чего сидим? Кого ждем? Особое приглашение требуется, чтобы в дом зайти? – насмешливо прозвучало рядом.

Лара в тревоге распахнула глаза. Перед ней высилась мать, держа пустое ведро. Нигде покоя нет в этом месте, везде отыщут…

– Я всё сделала, – едва слышно пролепетала Лара.

– Прямо всё? – намеренно удивленным голосом вопросила родительница.

Лара кивнула.

– А посуду кто мыть будет? Мне предлагаешь?

– Можно я завтра помою?

– С чего вдруг? – Мамины глаза блеснули искрами. Они

впились в Ларину кожу остриями, прожгли ее насквозь и проникли внутрь.

– Я устала, – честно призналась Лара.

– А я?! Я не устала? – взвилась мать, – Батька твой пьет, ничего ему не надо, а я пашу за двоих. И ведь без того жалею тебя, как могу. Встаю раньше солнца, рублю курей, варю вам цельный день, обстирываю, огороды на себе волоку. Могла бы тебя заставлять, так нет – сама делаю.

Мама прервалась, громко вздохнула и продолжила:

– Только меня никто в ответ не жалеет. И в детстве не жалели, «Людка – то, Людка – сё», а что не по ним – сразу поленом били. Вас легонечко тронь, от шнура плачетесь, а меня – поленом!

– Но почему братья не моют? – попыталась воззвать к справедливости Лара.

– Хватит придуриваться, они дети, а ты выросла уже! Да и не мужицкое дело на кухне ковыряться.

Лара опустила ноги в мокрые мыльницы и, хлюпая водой при каждом шаге, побрела в дом. Опять ей выпала работка! А кому еще делать?! Папка в загуле, Косуля – маленькая, Тима – мужик, Сеня – и маленький, и мужик, вообще не подкопаешься.

20.00 Французский багет

Лара нагрела чайник воды, оторвала от старой наволочки

чистую тряпку для мытья, достала алюминиевый таз. Посуды за день накопилась внушительная гора, занимающая весь хозяйственный стол. Хорошо хоть утром кашу из общей кастрюли ели.

Лара вздохнула и принялась за дело. Первой следует помыть наименее загрязненную утварь, кружки и стаканы, последней очередью – сковородки. Они самые жирные.

Чашки уже сияли чистотой, тарелки блестели. Лара собрала вилки, ложки и ножи, утопила их в таз. Бахнула входная дверь. Кто бы мог зайти без стука? Мама и остальные дети дома сидят. Неужели папка явился?

Лара выглянула в прихожую. Братья вышли из детской, мать и Кася показались из зала.

Родительница встала руки в боки, выставила левую ножку вперед и, постукивая стопой по полу, воскликнула:

– Ого, кого принесло! Посмотрите-ка! Ты случайно номер дома не перепутал? Уверен, что по нужному адресу пришел?

– Людок, ладно тебе. Я нам батон к чаю принес. – Добродушно улыбнулся отец и протянул длинный румяный хлебопродукт. – Вкуснотища! Французский багет называется.

– Батон. Нам. К чаю. Принес. – Шла к нему и чеканила каждое слово мать. – Как. Благородно.

Она схватила протянутый багет и резко приземлила его на голову папы. Щедрый кусок булки отлетел в сторону.

– Я тебя этим батоном и убью сейчас, козлиная морда! – Мать колотила отца багетом. – Деньги где?

– Какие деньги? – изумился батька.

– Телек продал, сволочь! – напомнила мама.

– Да какие с него деньги?! На запчасти отнес – гроши вышли.

– Так и отдай мне гроши! – Наступала мать, долбя по отцу ошметком хлебопродукта.

– Я батон на остатки купил, – невозмутимо ответил папа.

– Горло три дня заливал, а теперь за батон думаешь искупление грехов получить?! Скотина! Я тебе этот батон сейчас в глотку так глубоко засуну, что никакая водка сквозь него никогда не проникнет.

Мать тыкала багетом отцу в лицо, он доблестно защищался, отмахиваясь руками. На фоне разъяренной мамы спокойный папа казался маленьким, тощим и щуплым. Хотя на самом деле он был выше ее на полголовы, шире в плечах и крупнее. Крошки и мелкие кусочки булки расползлись по его растрепанным волосам, закрепились на бровях и усах, белели на темной футболке и рабочей спецовке.

Внезапно зарыдала Кася. Лара рванула к ней и обняла сестру.

– Людок, давай не будем ругаться при ребятне! – миролюбиво предложил отец.

Мать глянула на него волком и громко скомандовала детям:

– Вон отсюда! В свою комнату и не высовывайтесь!

20.30 Акробатика

Вчетвером дети зашли в детскую и закрыли за собой дверь. С прихожей доносились громкие крики матери и заискивающий шепот отца.

– Ловко она ему батоном вломила! – расхохотался Тимофей, Сеня улыбнулся.

Братья забрались на кровать Тимы, сели, поджав под себя ноги.

Кася в слезах прерывисто вздыхала, посасывая палец.

– Косуля, хочешь, в акробатику поиграем? – предложила Лара, чтобы отвлечь сестру от скандала и хоть немного развеселить.

Малышка оживилась, глаза ее расширились и заблестели, улыбка озарила светом детское личико.

– Начнем с разминки.

Лара крепко схватила Касю за хрупкие ладошки и принялась кружить вокруг себя. Резко остановилась – тело сестры по инерции продолжило путь и вернулось обратно словно маятник. Лара раскрутилась в другую сторону и замерла. Помотавшись взад-вперед, Косуля повисла неподвижно. Лара поставила юную акробатку на пол и отпустила. Касю шатнуло от головокружений, она начала падать, но Лара ловко подхватила сестру, подняла вверх и обняла.

Косуля, откинувшись назад, смеялась от радости всем

своим хрупким тельцем: двигались тонкие ручки, дрожал острый подбородок, тряслись пухлые щечки, ходила ходуном грудная клетка. Кася заливалась хохотом, но не издавала и звука, кроме разве что редкого тихого всхлипывания от сильной радости.

Мать раздражал любой шум со стороны детей, а смех окончательно выводил из себя и заставлял терять остатки контроля. Приходила мама, и заканчивались игры. Глаза родительницы подергивались пеленой, рука стремительно хватала орудие возмездия, ремень или кипятильник.

– У матери море проблем, – орала она, – а они веселятся. Бесчувственные эгоистичные дети, ни капли жалости к близким.

Первой урок тишины усвоила двухлетняя Лара. Родились братья, прошли ту же обучающую программу. Теперь настала очередь Каси выучить наизусть, что мама любит покой.

Когда сестра отсмеялась и успокоилась, Лара прислушалась. Издали глухо доносились голоса родителей. Наверное, в зал перешли, но продолжают ругаться.

Тогда Лара важно объявила:

– Переходим к основной части. Упражнение «Мостик».

Кася послушно легла на красно-черный палас, установила в положенные места конечности. Лара подошла и медленно потянула сестру за спину вверх. Косуля стояла вниз головой, счастливо улыбаясь. Лара, не отрывая рук, аккуратно подняла юную спортсменку. Та беззвучно рассмеялась.

– А теперь сложное задание – кувырки.

Малышка мгновенно встала перед Ларой и протянула руки.

Лара держала маленькие ладошки, а Кася перебирала крохотными ступнями по телу Лары. Начнет маршрут с колен, дойдет до груди, закинет ноги назад. Кувырок готов! И снова по кругу.

– Ох, спортсменка-акробатка наша Косуля! – поддержал сестренку Тима.

– А теперь викторина! – продолжила игру Лара и задала вопрос, – Как тебя зовут, девочка?

Сестра бодро пробежалась по вертикали тела Лары, кувыркнулась назад, распрямилась и громко сказала:

– Кася.

– Тсс! – Лара приложила палец к губам. – Говори тихо, чтоб мама не услышала.

Косуля кивнула. Смышленая растет.

– А полное имя? – задала Лара следующий вопрос.

Сестра засеменила ножками, перевернулась назад и прошептала:

– Казия.

– Правильно, – похвалила Лара и четко произнесла, – Кассия. Красивое имя! А фамилия у тебя какая?

Последовал кувырок и ответ:

– Ивава.

– Иванова. Сколько лет тебе, Кассия Иванова?

Косуля повисла вверх тормашками.

– Два.

– Когда день рождения? – продолжала викторину Лара.

Сестра перевернулась, встала ножками на пол и сообщила:

– Толова ситибя.

– Точно, второго сентября. Молодец, Кася! Верно помнишь, нигде теперь не потеряешься.

Косуля прижалась к Ларе, они обнялись.

Громко хлопнула входная дверь, затем приглушенно – уличная. Братья спрыгнули с койки, кинулись к окошку, прислонились лицами к стеклу.

– Мать открыла калитку, – комментировал Тима, – перешла дорогу. Понятно, к соседке в гости. Опять на два часа.

20.45 Ковш воды

Вчетвером вышли из детской. Дверь в зал была закрыта, комнату снова занял отец.

Буря миновала, оставив следы. В прихожей царила разруха: валялись скинутые с полок ветровки, кепки, платки. Дорожки на полу сплошь усеяны раскрошенным батоном.

– Вот так битва! – восторженно протянул Тимка.

– Помогите мне прибраться, – попросила Лара.

Понятно без материнской указки, что устранять беспорядок придется Ларе. Опять ей… Кому еще?!

– Убираться – женская обязанность. Вперед на крошки! – подразнил старший из братьев.

Мальчишки засмеялись и убежали на улицу.

Из зала послышался жалобный писк, хриплый голос молил:

– Ириска, принеси мне попить. Плохо совсем, помираю.

Лара зачерпнула ковшом воды из ведра, толкнула комнатную дверь. В нос шибануло перегаром, тело передернуло. До чего противный запах!

Папка лежал на диване, даже не разложив его. В отросших, торчащих по сторонам, сбившихся клоками волосах виднелись крошки батона. Пара свежих царапин краснела линиями на помятом лице.

Совсем не таким помнила его Лара. Другим сохранился образ родителя в глазах маленькой дочки: когда-то он ее любил, носил на руках, смеялся, играл.

Вот папка приносит детский велосипед, садит на него Лару и носится кругами по комнате, толкая перед собой трехколесник. «Б-ж-ж! Б-ж-ж!» – изображает отец рев газующего мотоцикла. Лара заливается от хохота, визжит от восторга. А потом приходит свирепая мать и грозно командует: «Хватит на сегодня!» Папа подчиняется: снимает Лару с игрушки, подкидывает вверх, крепко обнимает и опускает бережно на пол: «Беги, поиграй с куклой».

Раз семьей возвращаются из леса. Лара устала, ножки ломит от долгой ходьбы. Мама велит терпеть, папа же забрасы-

вает Лару себе на спину и везет всю дорогу, периодически подскакивая и издавая громкое лошадиное: «Иго-го». Такой родной и любимый!

Нравились Ларе и другие забавы. Отец разложит раскладушку, застелет и отлучится будто бы по делам. Лара юрк под одеяло, лежит, замерев, дожидается. Папка приходит, садится на постель и пугается: «Ой, что в кровати появилось, пока я воду пил?» Он начинает щупать сквозь одеяло и щекотать: «Кажется, тут клоп огромный завелся. Сейчас я его раздавлю». Лара извивается от щекотки, заходится в хохоте. Устав, высовывает голову наружу. Папины глаза от удивления расширяются: «Так это не клоп! Это Лариска-Ириска, вкусная конфетка! Сейчас я ее съем!» и кусает легонько. До чего хорошо!

Они играют, пока мать не прикрикнет: «Хватит баловаться, не уснет! Да и Тимку разбудите своими визгами, только заснул». Лара взглянет на маму. Нос той удлиняется и загибается к губам, глаза уменьшаются и краснеют, черные волосы отрастают до пола. Вовсе не мать родная перед ней сидит, а настоящая Баба-яга. Страшно до жути! Холодно становится, кожа мурашками покрывается. Но папа берет Лару на руки, прижимает к себе и относит на детскую кроватку. Снова спокойно.

Заснет Лара в детской кроватке, а пробудится у отца под боком на раскладушке. Оглянется по сторонам, не понимая, почему она здесь. Папа обнимет и прошепчет: «Кто ко мне

ночью приполз, напугал меня до икоты? Не вырвешься теперь из цепких лап хищного зверя!» Держит Лару и щекочет усами по щекам. Она отбивается, уклоняется, смеется. До чего колючие папкины усы! До чего замечательный батя!

Тут, на беду, мама подоспеет. Глянет на Лару, посыпятся металлические искры из глаз. Отцу выскажет строго: «Что ты с ней возишься? Взрослая она уже, пять лет! Лучше бы с пацаном позанимался, мужика из него воспитал».

Когда папа хотел играть, мама ставила руки в боки: «Не нужно баловать ребенка». В присутствии родительницы Лара к отцу не подходила. Только если мама разрешит, кивнув головой.

С каждым годом милый сердцу папочка становился всё грустнее и отстраненнее, всё меньше времени проводил с Ларой, всё больше отсутствовал дома. Виделись редко, разговаривали и того реже. Но Лара всегда ждала папку, выгонит ли его мать или сам не приходит. Лара не переставала надеяться, что вернется прежний отец, смешной и родной, поговорит с ней, побалуется, повеселится. Где ее папа, куда подевался?

Лара протянула ковш. Батька оторвал голову от подушки с грязными подтеками, жадно вцепился в посудину, выпил до дна, вернул.

– Жить буду. Выручила отца. – Он улыбнулся. – Как дела у тебя, Ириска?

– Хорошо.

Вот сейчас папа скажет забавную шутку. Лара присядет к нему на диван, вместе посмеются, поболтают, обнимутся.

– Слушай, а чего мать такая злющая-то? – недоумевающе спросил батя.

– Не знаю.

– Кто ее довел до белого каления? – продолжил расспрос отец.

Лара пожала плечами. Неужели папа не понимает, что он причина скандала? Расстраивать родителя совсем не хотелось, и Лара промолчала.

– Вы напакостили опять, проказники? – упорствовал батя.

– Ничего мы не пакостили, – защитилась Лара.

Отец задумался.

«Папка, поговори со мной, посмейся со мной, побудь со мной. Спаси меня из этого ада!» – беззвучно кричала Лара. Но папа ее не услышал.

– Ты матери помогаешь? – спросил он.

– Да.

– Молодец! – похвалил папа, – Много дел еще?

Лара кивнула.

– Беги тогда, доделывай. Мне отдохнуть надобно, тяжелая работа сегодня выдалась. – Отец отвернулся к спинке дивана.

Папка, родной, что с тобой стало? Почему Лара тебе не мила? Почему весь белый свет тебе не в радость? Почему ты дома не ночуешь? Пьешь с друзьями, а Лару забыл?

Прежний папа сегодня не появился, но когда-нибудь он обязательно вернется. Лара будет ждать.

21.00 Сестра не соврет

Лара грустной вышла из зала. Сестра сидела посередине прихожей и жевала, в руке виднелся малюсенький кусочек батона со следами песка и волос.

– Кася, нельзя есть с пола – глисты заведутся. Выплюнь бяку!

Лара подставила ладонь – Косуля отдала добычу. Отнеся жеваный ком в мусор, Лара вернулась в прихожую – сестра снова жует.

– Косуля, мама ругаться будет. Обоим влетит. И тебе, и мне, – строго объяснила Лара.

Малышка замерла, выпучила глаза от испуга и резко плюнула содержимое рта на пол.

Лара приступила к уборке.

Крупный кусок, отлетевший от головы отца первым, нашелся сверху обувной полки, лежал на старых газетах. Лара отряхнула его от невидимой пыли, отнесла на кухонный стол. Почти полбатона, на завтрак семья скушает. Она взяла нож и с трудом отрезала горбушку.

Кася по-прежнему сидела на полу. Сестра ужасно обрадовалась, получив в руки вкусную булочку, заулыбалась и начала есть.

Повесив обратно на вешалки верхнюю одежду и головные уборы, Лара взяла миску и принялась на коленях собирать остатки багета, кусочки и мелкие крошки. Лучше сейчас, а то прилипнут, не отодрать.

«Подметать вечером нельзя – к бедам», – внятно объяснила мама, отходив как следует веником Лару, вздумавшую однажды прибраться перед сном.

Косуля доела булку и присоединилась к Ларе. Вдвоем ползали на карачках, выискивая каждую крошку. Напоследок Лара скатала в рулон дорожки, вынесла на улицу и основательно вытряхнула. Прихожая сияла чистотой, ни следа былого сражения.

Скоро вернулась мать. Едва перешагнув порог, возмутилась:

– Сволочь, снова удумала вечером мести! Без того не жизнь, а сплошные беды. Еще хуже мне сделать желаешь?!

– Я не подметала, – быстро оправдалась Лара.

Мать уставилась немигающим взглядом Ларе прямо в глаза, выискивая признаки вранья.

– Мы с Касей руками собрали крошки, – пояснила Лара, – Правда, Косуля?

Малышка уверенно кивнула. Лицо мамы расслабилось, кулаки разжались.

– Ладно, поверю на этот раз. Сестра твоя малая врать пока не научилась.

Мать прошагала на кухню, мгновенно донесся крик:

– Посуда не вымыта. Чем ты тут, лентяйка, занималась?

– Сейчас домою, – ответила Лара и побежала к столу.

Мама приблизилась к окошку, выглянула пристально наружу и как заорет:

– Девка, твою налево, ты чего тюфяк не занесла? Отсыреет ведь. Хочешь, чтобы брат почки застудил? Хороша сестра!

На последних словах Лара выбегала на улицу. Она скатала матрац в рулон и затащила в дом, отпихнув ногою наглого кота на крыльце. Разложив тюфяк на кровати, чтобы просушить легкую влажность, Лара вернулась в кухню.

Звеня ложками, вилками и кастрюлями, она думала лишь об одном: когда уже спать… Домыв осточертевшую за годы посуду, Лара достала из шифоньера чистую простыню. Затем покопалась в деревянном ящике для грязного белья и выудила пододеяльник.

От матраца брата несло мочой. Не сильно, но ощутимо. На середину тюфяка Лара положила сложенный вчетверо пододеяльник, сверху него постелила простынь. Если Сеня снова напрудит, то хотя бы матрац останется сухим. Напоследок Лара взбила подушку и разложила одеяло.

День закончился, пришла пора спать. Лара отвела Малого на улицу и заставила помочиться. Втроем с братьями дружно разделись до нижнего, повесили снятую одежду на спинки кроватей и улеглись в постели.

– Спокойной ночи! – донеслось в трех сторон.

22.00 Тихое место

Лара повернулась к стене и уткнулась носом в большой плюшевый ковер, подаренный бабой Алей, папиной мамой. Целый диковинный мир развернулся на стене. На опушке леса находился взрослый олень с огромными рогами, чуть позади него виднелись два поменьше. Спокойствием веяло от картины.

Руки привычно отыскали на ощупь ребристую бахрому. Перебирая пальцами тонкие плетеные косички тесьмы, Лара взглянула вверх. Высокий оранжево-коричневый в белые пятна олень находился совсем рядом, руку протяни – можно прикоснуться, погладить.

Лара, нисколько не боясь его ветвистых рогов, приблизилась и прижалась к животному, проведя ладонью по теплой мордочке.

– Привет, дружок!

Зверь в ответ лизнул ее щеку.

Неторопливо вдвоем двинулись вглубь соснового бора по едва заметной тропинке. Голые стопы Лары мягко касались влажной земли. На кожу ложилась приятно бодрящая прохлада. Запахи хвои, почвы и растений слились воедино, заставляя вдыхать глубоко и тянуть носом воздух до изнеможения. Впереди сквозь стволы деревьев оранжево заходило утомленное солнце. Издали доносилась вечерняя переклич-

ка птиц. Как же тут спокойно!

Из-за огромной елки вынырнули два оленя поменьше: олениха и малыш. Жена и сын первого, – догадалась Лара.

Вчетвером дошли до подножья скалы и остановились. Глава оленьей семьи деловито раздвинул рогами мощные заросли можжевельника. За ними показалась дверь. Лара попрощалась с лесными друзьями и потянула за ручку.

Она спустилась по крученой лестнице в подземный бункер. В маленькой прихожей у стены стояли четыре узких шкафчика, совсем как в детсаде, и на каждом картинка: солнышко, бабочка, цветочек и динозаврик.

Лара выбрала «улыбающееся светило», внутри оказалось пусто. Она сняла платье и, оставшись в трусах и майке, неспешно направилась вглубь помещения. В большой розовой комнате на огромном ковре с нарисованной радугой сидели братья и сестра, рассматривали книжки.

– Няня пришла! – Бросились к Ларе обниматься Сеня и Кася.

Вместе прочитали сказку о Баба-яге и, закончив историю, направились в спальню.

По нежно-голубым стенам плавали разноцветные спящие котята, каждый на собственном облаке. Четыре кровати разместились попарно. Мальчики легли рядом. Сене достался чудесный мягкий матрац, пахнущий мандаринами, черной смородиной и карамельками. На простыне красовался забавный медвежонок с горшочком меда. Одеяло вспорхнуло лег-

ким пухом и плавно опустилось на братика.

Лара погладила Малого по голове:

– Спи спокойно, всё будет хорошо! – Сеня блаженно улыбнулся.

Лара улеглась в кровать, стоящую рядом с койкой сестры.

– Няня, что мы тут делаем? – встревоженно спросила малышка.

– Ждем, пока нас спасут. Вокруг опасно, нам нельзя выходить, – ответила Лара, обняла Косулю и закрыла глаза.

Вторник. Насекомые

08.00 Сушить сухое

– Подъем! – разбудил привычный громкий крик.

Какой чудесный приснился сон! Просыпаться совсем не хотелось, сознание Лары цеплялось за волшебного оленя, шкафчик с картинкой солнца и душистый матрац.

Одеяло слетело со свистом, тело похолодело. Лара открыла глаза.

Посредине комнаты двигалась мама в новом голубом наряде с узором из ярких мелких цветов.

– Какое красивое платье! – воскликнула, не сдержавшись, Лара и замерла.

Зачем она вызвала огонь на себя?! Внимание опасно, лучше молчать.

Мать польщенно улыбнулась.

– Ладно тебе подлизываться…

Одеяла поочередно слетели с братьев.

– Ого, Малой даже не обописался, какой сюрприз! – удивилась мама и обратилась к Ларе – Всё равно тюфяк сохнуть отнесешь… и одеяло с подушкой.

– Зачем сушить сухое? – вопросила Лара.

– Больно ты разговорчивая сегодня… Думаешь, мать – ду-

ра у тебя, не знает, что сухое не сушат?

Тима задорно хохотнул. Родительница впилась парализующим взглядом, метнула из глаз несколько металлических искр. Лара сжалась: сбежать…

– Отвечай! – грозно потребовала мама.

– Ты умная, – пролепетала Лара.

– То-то же! Положишь под солнце на сквозняк, чтоб запах выветрился.

Лара спешно кивнула, мигом накинула вчерашнее красно-белое платье и завязала ленточкой хвост. Голову защекотало, Лара интенсивно там почесала.

– Вечером будет чес. Сейчас – дела, – одернула ее мама.

Лара пробежалась по обычному кругу: матрац, одеяло, подушка, курам пшена, драка с петухом, пинок коту.

На завтрак съели манную кашу. К чаю мать, чертыхаясь на ножи, нарезала уцелевшую часть багета. Заметив отсутствие горбушки, она строго спросила у Лары:

– Ты?

– Я Касе дала, – призналась Лара.

– Ладно, хоть не сама сожрала… – смилостивилась родительница.

Она выдала каждому домочадцу по ломтику батона, посыпанного сверху сахарным песком. Лара откусила. Действительно вкусный, не наврал папка!

Кусок размяк во рту, и Лара отчетливо различила вкус любимого сухого молока. Бывало, маленькой она и Тима гости-

ли у бабушки Али. Залезут в низ хозяйственного стола, найдут банку с белым порошком, отсчитают пять ложек в стакан, дольют водой, размешают – продукт готов. Гораздо вкуснее обычного, из-под коровы. Иногда, правда, с мукой путали, но бабуля никогда не ругалась. В сторонку отставит брак и по-доброму скажет: «Оставь, Ларочка! Я вам блинчиков разведу да нажарю».

Жаль, что вторую половину багета мама испортила.

– А где Кася? – поинтересовался Сеня.

– Плохо пигалица спала, крутилась всю ночь, меня утомила, – объяснила мать, – Пусть подольше подрыхнет, а то начнет хмыкать, нервы мне портить.

Папа тоже еще почивает. Устал он… то ли из-за работы, то ли из-за пьянок, а, может, от бесконечного недовольства мамы.

Выпив чаю, дружно поднялись из-за стола. Братья удалились гулять, а Ларе мать поручила животных напоить.

08.30 Взрослеет сестренка

На крыльце вертелся растерянный Рыжик. Мяукал, терся об Ларины ноги, тыкался мордой в пустую блестящую миску. Голодный, наверно, потому домой рвется.

Лара вынесла коту обглоданную куриную попку и кусочек батона, поднятый вчера с пола. Кинула еду в кормушку и присела на ступеньке рядом. Рыжик, урча, быстро пригово-

рил провиант и залез на колени к Ларе. Он закрыл глаза и замурчал маленьким вибрирующим мотором.

Между бровей кота копошились черные блохи. Бедняга, съедают животное заживо. Лара ногтем очистила Рыжику надпереносье и переместила его на крыльцо: дела ждут.

Налив воды курам, кроликам и ушедшему в самоволку Волче, Лара возвращалась в дом. Хвост от непрерывного движения совсем размотался, бант висел посередине, волосы торчали по бокам. Лара вошла на веранду. С чулана доносились сдавленные всхлипывания. Она открыла вертушку и заглянула внутрь. Заплаканная Кася сидела в дальнем углу на дощатом неокрашенном настиле.

– Косуля, ты чего тут делаешь? – удивилась Лара.

– Ни наю. – Сестра перестала всхлипывать.

– Иди сюда, – позвала Лара.

Малышка радостно рванула навстречу, забралась на ручки и крепко обняла Лару за шею.

– Кто тебя запер-то? – риторически вопросила Лара.

– Мама, – последовал неожиданный ответ.

Лара не поверила: наверное, пацаны шалили. С Касей на руках зашла в дом и пожаловалась:

– Мам, братья закрыли Косулю в кладовке.

– Ой, тупая! Кто тебя просил ее доставать? Я с кипятком бегаю, оболью еще. Ладно, давай пигалицу сюда.

Родительница подбежала, выхватила Касю вместе с клоком волос Лары.

– Ай, больно! – взвизгнула Лара.

– Я тебе сказала хвост крепкий делать, вшами не трясти. Прибью, если ребенка мне заразишь.

Мать усадила малышку в детский стульчик и принялась кормить манной кашей. Косуля морщилась и отказывалась кушать. Мама запихает ложку, зажмет рот сестре и заставит глотать. Кася не выдержала, расплакалась. Родительница грохнула тарелкой о стол и в сердцах произнесла:

– Лучше бы Алёшка выжил. С вас, девок, толку никакого нет. Умеете лишь плакать да жаловаться.

Последнюю беременность мама ходила двойняшками. Обещали пацанов, мать сильно гордилась собой и даже имена придумала, Алексей и Кассий. Первым родился мальчик Алёшка, сильный и здоровый – девять баллов по шкале оценки новорожденных. Второй ко всеобщему удивлению пришла девочка – ноль баллов, синюшная и бездыханная. Трясли ее, по попе хлестали, ничего не помогало. Хотели уже смерть заверить, а она как закричит. Мать не стала менять имя, записали: «Кассия». Алёшка же на следующий день и помер, прямо в роддоме, дышать перестал.

Ох, как мать убивалась. Утверждала, что ее в молодости из-за красоты великой цыганка сглазила и прокляла, пообещав смерть ребенка. Один должен быть принесен в жертву. Почему Алёшенька? Кася украла чужую жизнь.

– Покорми сестру! Я пока на работу соберусь. Сегодня на полдня уйду, попросили подменить. Ты за старшую. Отца не

трогать.

Лара самолетиком наводила ложку в рот Косули. Та съела три раза и отвернулась.

– Так и быть, выручу тебя, но последнюю кашу скушаешь сама. Поняла? – шепотом на ухо предложила Лара.

Кася кивнула.

Лара быстро доела манку, оставив лишь полную ложку. Они дождались матери. Стоило той войти на кухню, как Лара поднесла ложку, сестра открыла рот и с видимым аппетитом сглотнула.

– Ты сама всю кашу скушала, Кася? – нежно-заботливым тоном осведомилась мама.

– Да, – без тени сомнений ответила малышка и уверенно посмотрела родительнице прямо в глаза.

Взрослеет сестренка.

09.30 Здоровье поправить

Стоило матери закрыть за собой калитку, как из зала появился заспанный папа в помятой майке и растянутых на коленях кальсонах. Завоняло перегаром. Трясущимися руками отец разбил в сковородку два яйца, пожарил и съел, запив сладким чаем.

– Пойдемте, я травы кролям накошу, вы соберете, – то ли приказал, то ли предложил папа и ушел за косой в сарай.

Тимка схватил картофельный мешок, вчетвером дети вы-

строились на крыльце, дожидаясь родителя.

Открылась калитка у предпоследнего дома по другому краю улицы. Из нее вышел мужичок и направился в их сторону.

– Папкин приятель идет. Наверное, засек, как мать на работу ушла, – сообщил Тимофей, посмеиваясь.

И правда, мужчина завернул к ним.

– Привет малышне. Папка где?

С глубины двора, держа косу, наконец появился отец.

– Здорово, Степаныч! Как после вчерашнего?

– Голова трещит, пришел вот к тебе здоровье поправить малёхо. – Степаныч скосил глаза на принесенную сумку из плотного материала. – Да, смотрю, народу здесь многовато.

– Сейчас исправим, – отозвался батя.

Он опустил косу, приставил ее к стенке веранды и обратился к детям:

– Идите-ка одни. Только не за участок, а в лесок в конце улицы. Травы кроликам нарвите, «гусиных лапок». Без полного мешка не возвращайтесь.

Отец погрозил пальцем детям и подмигнул сотоварищу.

– Папа, тебе покосить пять минут, а нам руками три часа собирать! – возмутилась Лара.

– Видишь, ко мне гость пришел. Невежливо его бросать. Чему вас только в школе учат?! – укорил батя в ответ.

Лара опасалась оставлять родителя и Степаныча без надзора. Веры им нет, телевизор утащили, вынесут и другие ве-

щи из дома в отсутствие обитателей. Мама расстроится, будет на них, детей, кричать и отчитывать за безалаберность. Но делать нечего, папка сегодня главный, и он гонит их прочь.

09.45 Орлом стану

Вчетвером вприпрыжку добежали до конца улицы. Дорога завернула направо. Дети же двинулись прямо и зашли в небольшой перелесок. Островками виднелись требуемые папой растения.

– Давайте пособираем, затем просеку перейдем и в настоящем лесу продолжим, – предложила Лара.

– Если тут начнем, мне тяжелый мешок придется таскать вслед за нами. Лучше наоборот: сначала в лесу нарвем, а в конце здесь дополним, – дельно возразил Тимофей.

– Разумно, – согласилась Лара.

Они двинулись вперед, вышли на широкое выкошенное просеку-поле, протянувшееся далеко в обе стороны. Тело окутало жаром, пахнуло пряным запахом сухой травы и луговых цветов.

– Ура, сейчас играть будем! – воскликнул Сеня и засветился от радости.

Трое старших разошлись и встали поодаль друг от друга.

– Косуля, смотри, кто последний удержится. На счет три. Раз, два, три! – прокричал Тимка.

Ребята распахнули руки в разные стороны и закружились вокруг своей оси с громкими криками: «А-а-а!»

Лара закинула голову вверх. Вращались калейдоскопом редкие прозрачные облака, мелькало сверкающее солнце и темные верхушки деревьев. Бант от движений сполз вниз и улетел, отпущенные волосы развевались по ветру, едва успевая за Ларой. Свобода!

– Сеня первый, – беспристрастно сообщила судья Кася.

Бац, Лара не удержалась на ногах и повалилась на землю! Качалось небо и верхушки высоких елок.

– Няня вторая, – снова известила сестричка.

Тимка кружился дольше всех. Но и он, в конце концов, с громким взвизгом рухнул на поле.

– Победил Тима, – подвела итоги Косуля и аккуратно прилегла на траву около Лары.

Так и лежали рядком: Сеня, Тима, Лара и Кася, глядя в бескрайние голубые дали. Тишину луга нарушало лишь стрекотание кузнечиков да отдаленное пение птиц.

Небо – самая красивая вещь на свете. Его можно рассматривать бесконечно, оно всегда разное. Темное, яркое, звездное, пасмурное, чистое или с воздушными странниками. Сегодня, например, ясное небо и редкие миниатюрные облака. Одно, посерее, похоже на клок шерсти Волчи. Второе, круглое, напоминает цветок валерианы, если на него прямо сверху глядеть. А третье, полупрозрачное, словно пуховое перышко, легкое и невесомое. Такое Лара видела вчера…

пенек, топор, обезглавленная курица в тазу. Лара в испуге вздрогнула и помотала головой: привидится же…

– Смотрите, орел парит! – восторженно прокричал Сеня и указал пальцем.

Дружно, как по команде, вчетвером прикрылись ладонями от яркого солнца за головами и присмотрелись. Огромная птица плыла по небу, широко расправив длинные крылья. Она то снижалась, то летела боком, то заходила на круг. Казалось, птица совсем не шевелится, лишь изредка колыхались кончики крыльев и двигался вверх-вниз хвост.

– Это, может быть, не орел вовсе, а… – начал Тима, но Лара толкнула его ногой, и брат замолчал.

– Я, когда вырасту большим, тоже орлом стану, – уверенно сообщил Малой.

Тимьян хихикнул:

– Ты человек, как ты… – Лара снова ткнула брата – негоже губить чужие мечты – и Тима осекся.

– А для чего ты хочешь быть орлом? – спросила Лара.

– Улечу отсюда в дальние края: посмотрю места разные и людей, пальмы увижу.

– Мамка будет по тебе скучать! – недоуменно воскликнул Тима.

– И мы тоже, – присоединилась Лара.

– Я буду вас иногда навещать. Вот увидите орла в небе и сразу поймете: Сеня прилетел. Я знак подам – махну левым крылом.

– Договорились. Дай пять! – Братья ударили по рукам.

Вставать совсем не хотелось, так бы и лежала, и смотрела в нежно-голубое небо, но дело не ждет.

– Пойдемте! – встрепенулась Лара.

– Я тоже хочу поиграть в «юлу», – накуксилась Кася.

Лара вздохнула: справедливости ради придется уважить. Она сообщила:

– Хорошо, теперь я судья. Вы трое крутитесь.

Дети разбежались, расставили руки в стороны.

– Приготовились. Пошли!

Братья вращались сильно, Косуля же ходила кругами. Первым упал Сеня, вторым не выдержал Тима, а сестра всё вертелась, или, скорее, перебирала ножками по петле. Левая босоножка слетела и краснела в середине маршрута, терпеливо дожидаясь хозяйку. Хорошо, что мама не видит малышку в одной туфле, наказала бы сильно…

Кася бегала, повизгивая от восторга.

Братья улеглись на траву, оперлись за спиной на локти и наблюдали.

– Ладно, Косуль, ты выиграла! – не выдержал Тима, – Падай давай скорее.

Сестра повалилась на землю рядом с мальчишками и засмеялась.

Тимофей поднял ее руку и объявил:

– Победителем соревнований признается Кассия Иванова. Ура! – Кася залилась смехом.

Лару кто-то резво куснул за ногу.

– Ай! – вскрикнула она и шлепнула вслепую по месту боли.

На траву плюхнулся толстый овод и лежал, подергивая лапками. Лара осмотрела свою одежду, платье и тапки-мыльницы; перевела взгляд на мальчишек: футболки, шорты, кеды и сандалии на босу стопу. Поверх сестры – наряд без рукавов. Кто же настолько легко одетый по лесам разгуливает?!

– А чего мы не в спортивках? – задумчиво протянула Лара.

Тимка зашелся в хохоте, едва вымолвил:

– Так мы на пять минут за ограду собирались… сено за батькой подобрать. А теперь ночевать в дремучей чаще придется, попробуй этот баул набей травой.

– Да уж… не шибко смешно. Пойдемте тогда! – Лара одела спавшую босоножку сестре и поставила ее на ноги.

Вчетвером пересекли просеку и вошли в настоящий лес. Здесь было сыро даже в жару, благодаря широкому ручью, поэтому пышно росла трава «гусиные лапки», как они называли сныть обыкновенную, но Лару помнила официальное имя растения с уроков биологии.

– Ларк, а давай сначала к муравейнику сходим! – предложил неуемный Тимка, – Вкусно же…

– Пожалуйста, – молящими взорами взывали Сеня и Кася.

– Нас оводы закусают! – попыталась вразумить их Лара.

– Мы быстро, лишь разок попробуем. – три пары жажду-

щих глаз уставились на Лару.

– Хорошо, только в темпе, у нас еще и травинки в мешке не завелось.

Через десять минут ходьбы по узкой тропинке они приблизились к огромному муравейнику. Он высился у подножия старой толстой сосны и доходил Ларе, должно быть, до пояса. Мальчишки сорвали по березовой ветке метр длиной, Лара отодрала две. Счистили кожуру с прутиков и опустили их бережно на жилье муравьев. Насекомые забегали, облепили палочки.

– Уже можно? – нетерпеливо вопросил Сеня.

– Нет, ждем! – последовал Тимкин ответ.

Вчетвером застыли, смотря на бурную муравьиную деятельность.

Наконец Тима подал сигнал – вытащили ветки, отряхнули от насекомых и обхватили губами. Вкусно! Кислое и сладкое одновременно.

Вылизав прутики основательно, выбросили их и пошагали обратно по той же тропинке. Найдя подходящее место с «гусиными лапками», приступили к сбору. Помогала даже Кася: вырвет листочек, положит в мешок.

– Молодец, Косуля! – похвалила Лара, сестра расплылась в улыбке.

Лара упорно драла траву. Стебли скользили, иногда совсем не хотели вырываться: ломались, истончались, но не отделялись. Руки позеленели и пропахли резким травянистым,

чуть терпким, соком сныти.

Невесть откуда налетели комары, мелкие, незаметные, но кусачие. Лара отправила братьев на просеку надрать пижмы. Кася умчалась следом.

В их семье все знали, как выглядит чудесное растение: на длинной ветке колосились гроздья желтых цветов. Мама два раза в год «гнала глистов» у детей, заставляя пить вонючий горький отвар из лично ею собранной и высушенной пижмы.

Ребята вернулись с букетами. Компания дружно натерла кожу ног, рук, шею, лицо желтыми цветами. Комары кусать стали реже, им тоже не нравилась пижма.

Братья бросились играть в «ляпы», к ним присоединилась Кася.

– Хватит бегать, давай траву собирать! – закричала Лара.

Ее призыв проигнорировали.

– Нам надо успеть до прихода мамы воротиться, дом проверить. Вдруг папка опять чего-нить вынес?

Мальчишки резко остановились, принялись ожесточенно рвать траву. Спустя время кое-как набрали треть мешка, а сил не осталось.

– Ларк, пойдем домой, пить охота. Всё равно ничего не соберем, – умолял хитрюга Тимьян.

– У нас даже половины нет. Как мы вернемся?

Брат схватил мешок, поднял его и попросил:

– Семён, подержи-ка нижние углы крепко!

Сеня вцепился ладонями в кончики баула, а Тима встрях-

нул мешок пару раз за противоположные концы и опустил ношу на землю.

– Ну что, есть теперь половина? То-то же, – хохотнул ушлый брат.

Всю обратную дорогу Тимофей нес травяной «улов», а Лара – усталую Касю: посадила сестру на спину и везла «коняшкой». Мыльницы под конец пути натирали задник пятки невыносимо больно, Лара сняла тапки и пошла босиком. Вначале острые камешки на дороге кололись, но затем стопы привыкли и расслабились.

14.00 Мамке не сдавай

На подходе к дому детей заприметили. Отец резко схватил с крыльца какой-то предмет и сунул за пазуху. Лара успела рассмотреть – чекушка. Снова пил.

Ребята прошли в калитку, приблизились к веранде. На верхней ступеньке лестницы сидели отец и Степаныч, оба дымили. Между ними виднелись пустые стаканы, заполненная окурками хрустальная пепельница и тарелка с двумя бутербродами: на черном хлебе кругляш сервелата и брошенный поверх него косо отрезанный кусок огурца.

– Вау, колбаса! – воскликнули в унисон братья и широко раскрыли глаза.

У Лары потекли слюнки. Когда же последний раз она пробовала такую вкуснятину?

Взгляд папы влажно поблескивал, помятость исчезла с лица, сменившись одутловатостью, руки более не тряслись. Отец успел хорошо поддать, но еще не напился.

– Что так долго возились? – пробурчал он недовольно.

– Тяжело вручную собирать, – оправдалась Лара.

– И всего полмешка?! Вот ленивые.

Лара покосилась в землю: стыдно папу родного обманывать, в бауле и половины не будет. Голос отца потеплел:

– Ладно, не сдам вас матери.

В разговор вклинился Степаныч:

– Слушай, Витька, айда ко мне! Неприлично как-то при детях…

Вдвоем мужчины встали и, пошатываясь, направились к калитке.

– Батька, можно нам бутеры? – не выдержал ожидания Тимофей.

– Поделите только поровну, – разрешил добродушно отец.

Тима схватил тарелку, троица забежала в дом. Лара осталась на улице.

– Ириска, ты приберись тут слегка. Стаканчики помой, чтоб мать не видела, а то унюхает – всем ведь влетит. В гневе она страшна: совсем не разбирает, кому тумаки раздавать. И это, – папа замялся, – мамке меня не сдавай. Хорошо? Я тебе доверяю.

Лара кивнула. Отец повернулся и вышел в калитку.

14.30 Могила исправит

Лара забежала домой и взяла с тарелки последнюю половинку бутерброда: черный хлеб, огурец и сверху кругляш колбасы. Внимательно осмотрела – братья поделили честно. Лара откусывала добычу мизерными кусочками и долго пережевывала смакуя. Вкусно! Солено, остро и сочно одновременно. Она почти забыла прелесть копченой колбасы.

Перекус закончился – Лара вернулась в реальность. У нее же грязные руки и ноги! Глисты заведутся. Ох, мать увидит… Им надо срочно отмыться. И дом следует тщательно осмотреть: все ли вещи на местах, не утащил ли чего папка.

Вымывшись под уличным водопроводом, четверка с пристрастием проверила все комнаты. К счастью, ничего не пропало.

До прихода мамы оставалось немного времени, Сеня предложил поиграть в настольную игру «Зоопарк». Расселись кружком на палас в детской, положили в центр картонку с нарисованными животными, лесенками, капканами и ловушками, поверх которых протянулась цепочка с цифрами от нуля до ста. Правила у игры простые: кинул кубик, сходил на выпавшее число; кто добрался до финиша, пройдя все препятствия, тот и выиграл.

Неспешно продвигались фишки, пацаны то и дело бегали до окна, пристально вглядывались наружу и грустно воз-

вращались обратно. Дом семьи Лары значился номером три. Первый же размещался на перекрестке лицевой стороной к Центральному шоссе. Строение было старое, маленькое и низкое. Вокруг него хорошо просматривалась округа.

Маму заприметили издали, забегали и запрыгали. Кинули игру незаконченной и, волнуясь, выстроились у входа. Ближе всех встали мальчишки, далее – Кася, третьим рядом ожидала Лара.

Вот слышны шаги по крыльцу, шум на веранде, распахивается дверь. Мать заходит с двумя полными сумками, прислоняет их к стене на полу и раскрывает руки. Братья бросаются в объятия, мама их обнимает.

– Кася, иди сюда! – приветливо зовет она и тискает радостную Косулю.

Лара ждет. Мать вернулась в замечательном настроении, может, пригласит обняться и Лару. Так хотелось прижаться, почувствовать тепло.

Мама взглянула – сердце Лары забилось сильнее, щеки вспыхнули жаром. Сейчас!

– Что стоишь, прохлаждаешься? Смотрит она и лыбится. Нет бы матери помочь, эгоистка! Иди, товары разбирай.

Никогда мать ее не похвалит, никогда не обнимет. Других детей любит, а ее – нет. Лара судорожно вздохнула, схватила сумки и убежала в пустую кухню, чтоб никто ее не увидел. Удалось не заплакать.

Родительница армейским строевым шагом прошлась по

квартире и заглянула к Ларе. Остальные дети проследовали за ней.

– Где крокодил? – зло спросила мать.

Лара открыла рот ответить: «Не знаю», – но Кася успела по-детски наивно выпалить:

– С дядей ушел.

Эх, Косуля! Поставить под угрозу благополучие дома одной неудачно вылетевшей фразой. Растешь ты быстро, но многому еще предстоит научиться. Что от настроения матери зависит жизнь их семьи. Что если мама спокойна – не будет гневно кричать, не будет ругать бесконечно отца, не будет обвинять и главное, бить не будет. А теперь всем обеспечена напряженная атмосфера и полная непредсказуемость. Страдает мама – страдает семья.

– С каким дядей?! – Мать в упор смотрела на Лару.

В голове Лары быстро мелькали мысли. Что еще заприметила сестренка? Бутерброды кушала – тарелку с закуской видела. А пустую бутылку? Наверное, нет. Зато соседи из дома напротив всяко наблюдали отцовские многочасовые посиделки, выдадут его в любом случае. Иногда кажется, они в бинокль целыми днями высматривают, настолько подробный их отчет.

– Степаныч приходил, – со вздохом ответила Лара.

Мамины руки уперлись в бока, звездочки в глазах налились металлом – стрельбы искрами не избежать.

– Рассказывай! – ледяным голосом приказала мать.

Лара пыталась увильнуть от ответа, когда выпалил Сеня:

– Папка нас заставил траву рвать руками.

Мама расширенными зрачками посмотрела на Лару и раздраженно процедила сквозь зубы:

– До последнего вздоха будешь папашу своего пропитого защищать?

Родители умело расставили ловушку для Лары, и она угодила туда. Папа, зная, что его раскроют, тем не менее попросил Лару его не сдавать. Мама требует быть верной только ей. Что бы Лара ни рассказала – кого-нибудь да предаст. Убежать бы отсюда…

Мать страшная в гневе, придется рискнуть доверием отца.

– Мы уходили за травой, когда приплелся Степаныч. Батя дал нам картофельный мешок и отправил в лес нарвать «гусиных лапок».

– Вот скотина!

– Мы и пошли, – завершила доклад Лара.

– А когда пришли? – выпытывала мать.

– В два часа дня.

– Дебилка! Что увидели, говорю, когда вернулись? – гневно крикнула в нетерпении родительница и топнула ногой.

Набрав воздуха, Лара выдала скороговоркой:

– На крыльце стояла тарелка с бутербродами, пепельница…

– …и стаканы, – дополнила невинная Кася.

– Где они? – заорала мать.

– Я их помыла. – Опустила голову Лара.

– Покрываешь, значит! – проревела мама.

– Нет! Мне папка велел.

– Бутылку видели? – Допрос продолжался.

– Нет, – дружно прокричали братья и Кася.

Лара избегала материнского взгляда.

– В глаза смотреть! – велела родительница, и Лара мгновенно выполнила приказ.

– Так видела? – повторила мама.

Сдавшись, Лара смиренно выдала:

– Чекушка была.

Мать яростно оскалилась.

– До последнего будет батьку любимого выгораживать. Вся в бабушку пошла. Та поступала так же. Напьется папашка ваш, выгоню его, а бабка пустит к себе, пожалеет. Чего ему не пить?! Домой не пускают, к мамочке пойдет! Думала, переедем в другое место жить, так не к кому бегать будет, заставлю его попойки прекратить. Ошиблась я, горбатого могила исправит.

Мать прервалась на вздох и с гримасой отвращения продолжила:

– До чего противная баба ваша бабка Аля! Я и хозяйство веду, и супа варю… пироги пеку, обстирываю, убираю, носки ее сыночку инфантильному штопаю, а все я им нехороша. Витеньке получше жена нужна. Видит, девочка-сирота при живых родителях. Помоги ты, обогрей, а она лишь критико-

вать горазда. Всё ей не так!

15.30 Идеальная форма

– Сегодня будет борщ. Сходи-ка подкопай две свеклы, две морковки и шесть картошин. Да, смотри, аккуратно, – велела мать и полезла в холодильник доставать остатки курицы.

Сейчас последуют крики про тупые ножи. О нет! Лара схватила миску и быстро улизнула на улицу.

Огород у мамы находился в идеальной геометрической форме, нарушать его красоту не дозволялось никому.

В поселок Черничное поле семья переехала в начале июня тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года. Родители устроились работать на местный завод, мама – оператором сушильной установки и отец – слесарем-наладчиком. Первый месяц жили у маминой родни.

По нынешнему адресу на тот момент проживала семья главного инженера. На удачу его повысили, в город перевели. Жилье освободилось, его-то и выдали семейству Ивановых. И ничего, что на самой дальней улице, зато с большим куском земли и почти новым, десятилетним, деревянным домом.

Жилище оказалось вместительным. Крыльцо вело на веранду с небольшим чуланом. Из нее попадаешь в длинную и просторную прихожую. Напротив входной двери расположен санитарный закуток, его по старой памяти принялись

называть ванной. Там разместили умывальник, ведро помойное да стиральную машину «Малютку». По левую сторону от входа в дом шли гуськом большая комната, или по-другому зал, следом детская; а по правую руку – спальня родителей и кухня.

Первым в помещение пустили черного кота, чтоб домового задобрить. Животное любезно предоставила баба Маня, мать новоиспеченного папиного друга Степаныча.

Дом стоял в двух метрах от дороги, точно посередине. Слева и справа его обтекал двор. На заднем периметре территории высились два одиноких строения: дровник да туалет. Мама долго ворчала, что нужник построили в самом дальнем углу, требовалось обойти дом вкругаля. Она даже измерила рулеткой расстояние – пятьдесят два метра. Летом терпимо, а зимой?! Пока тропинки после снегопада очистишь…

Участок находился в первозданном виде.

– Хозяева траву годами не косили. Не утруждались лентяи! А ведь образованные люди, – негодовала мама.

Она пристально изучила новую территорию, измерила во всех направлениях. Две недели сидела над схемами и чертежами, вырисовывала планировку, затем огласила вердикт: по правую сторону будет расти картошка, по левую, ближнюю к дому номер один – огород. За ним в дальнем углу двора нужно построить баню. Работы следует выполнить этим летом, в оставшиеся два месяца.

Заслушав мамин проект благоустройства, папка грустно вздохнул, вышел из калитки и пропал на весь вечер. Родственники пьяным к ночи привели.

Мама выписала на работе пиломатериалы: необрезной доски для огорода да бруса и строганной доски для бани.

Необрезную привезли в тот же день, потому начали со строительства попроще. Ох, как намучился папа. Требовалось разместить два ряда по три грядки, метр на три каждая, и междурядье точно полметра. Отец отпилит доску ручной ножовкой, мать тотчас проверит линейкой и транспортиром – неверно: то в размеры не уложились, то углы не прямые.

Папка пучил глаза и удивлялся:

– Людок, ты с ума сошла?! Это грядка, а не мебель. Зачем идеальные углы?

– Пусть хоть что-то в моей жизни будет идеально, – сердито ворчала мать, – Пили давай!

Батя сделает пару попыток – снова не так. Мама психанет, наорет – папа убежит из дома. Вернется через полчаса. Спиртом слегка попахивает, зато спокойно пилит; инструмент-то ручной большую погрешность дает, трудно точно до миллиметра срез рассчитать.

После грядок взялись за первый парник. Полтора метра на пять. Лара как сейчас помнит. Мама требовала идеальной длины, ширины и прямых углов. Камнем преткновения вышла двускатная крыша, на которую сверху пленку натягивают. Никак не получалось сделать одинаковый угол с обоих

краев. Родительница транспортиром умудрялась проверять, сама разметку для отреза на досках отмечала.

– Мы тут новенькие, должны показать себя с хорошей стороны, а не ударить в грязь лицом, – уговаривала она отца, – Что село подумает на подобное безобразие?!

– Людок, ты парники в округе видела? – возражал батя, – Рухлядь покосившаяся. Наш просто шикарный.

– Хватит болтать, пили давай! – не уступала мать.

Долго ровняли, недели две, в тот год так и не завершили, потому что на батькино счастье привезли брусья. Папа и нанятый строитель взялись за возведение бани – семья большая, мыться где-то нужно. Работа спорилась, и в начале осени постройку обновили. Первым внутрь запихнули того же черного кота, чтоб домового не гневить. Несчастное животное неистово заорало и молнией выскочило обратно. Однако традиция соблюдена.

Грядки зимовали пустыми, парник – неприкаянным.

Следующей весной закипели полевые работы. Первым быстро достроили парник, папка удачно углы подгадал. Перед рядами грядок, параллельно дороге, мать задумала посадить огромный цветник. Тонкие доски сама отпилила, отцу доверия нет. Гвозди, правда, забил батя, но, как обычно, неровно.

– Ничего толком сделать не в состоянии, руки из заднего места растут. Что за мужик неумелый?! – гневалась мама и сокрушалась, – Не видать мне второго парника, а я место под

него оставила. Может, сыновья вырастут – удосужатся.

Землю на грядки дружно таскали в пакетах, тюках и ведрах с ближайшего леса, пять минут ходьбы. Мама требовала выкапывать исключительно темную почву, потому как на их участке лишь глина да песок. Междурядье родительница засыпала опилками и запретила детям тут появляться. Если надо в баню попасть – обходи вокруг огорода.

В мае папа перекопал с другой стороны от дома поле. Картошку сажали по веревочке, мама лично втыкала колышки на равном расстоянии. Отец проходил первым – вырывал ямку, Лара шла второй – черпала из ведра жидкий коровий навоз и лила в углубление, третьим брел Тима – клал аккуратно сверху семенной клубень. Кидать было настрого запрещено – глазки обломаются. Последней шла мать: качество работ контролировала да ямки закапывала.

Картофель взошел одновременно и вырос великолепными ровными рядами. Кто мимо проходил, дивился, маме комплимент отвешивал.

Родительница взяла от завода второе поле, за деревней, огромное. Папка, сперва упахавшийся на перекопке, психанул на призыв сажать по линейке.

– Тут никто не видит, будем на глазок.

Мама обиделась, три дня с ним не разговаривала. Дескать, никакого чувства эстетики у батьки нет, позориться только из-за него.

В августе проводился поселковый смотр участков, мать

уверенно заняла первое место за «Лучший огород». Даже торт на радостях испекла.

Территорию всей семьей облагораживали неустанно каждый сезон. Мама выиграла различные номинации: «Совершенный цветник» и «Образцовый участок». Соседи и односельчане просились поглядеть. Восторженная мама водила гостей, показывала растения, рассказывала, как ухаживает. Звездочки в ее глазах меняли форму, превращаясь в зеленые овалы огурцов, желтые шары рудбекии, красные пирамидки клубники и черный бисер смородины.

Лара, держа миску под мышкой, осторожно ступила в идеальный огород. Подошла к грядке свеклы, долго присматривалась. Дело непростое, нельзя абы какую взять. Выдирать полагалось, прореживая с умом, чтобы пустот избежать и скученность разрядить. Мелкую тоже рвать негоже, еще вырастет.

Основательно подумав, Лара вытащила две свеклы. Таким же образом выбрала морковки и двинулась к картофельному полю.

Клубни следовало искать в нетронутых прежде кустах, чтобы равномерность была. Лара прошла в середину поля, засунула руку по очереди под шесть разных кустов и из-под каждого, измазавшись, достала по картошине. Мамка хоть ругаться не будет.

Собрав корнеплоды, Лара помыла их под уличным водопроводом и вернулась домой.

– Где шаталась? – строго спросила мама.

– Овощи собирала, – ответила Лара.

Неужели мать не помнит, сама ведь послала.

– Знаю я! Чего так медленно?

Лара лишь пожала плечами: попробуй выбери быстро правильную свеклу и морковку на копку, чтоб ремнем не влетело.

– Чисти тогда… и нарежь тонко, – скомандовала мать и направилась к питьевым ведрам, – Твою ж налево, и вода закончилась. Где этих недорослей носит?

– У сарая видела, – сообщила Лара.

Мать выглянула в окно.

– Велосипед они ремонтируют. Месяц уже. Заняться больше нечем?! – пробубнила она и громко крикнула в форточку, – Воды быстро мне принесли!

Тимка отбросил отвертку и рванул домой.

Лара с трудом поскоблила кожуру овощей, ополоснула их и приступила к нарезке. Нож рвал, драл, крошил, но не резал. Надо будет папку попросить наточить.

16.30 Торжество справедливости

Суп тихонько побулькивал в кастрюле, когда прибежал взъерошенный Тимка.

– Матуля, Волча из самоволки вернулся. На грядке с морковкой лежит.

– Ах, скотина, опять всё помнет. У меня смотр скоро. Гад!

Мать рванула на улицу, следом – брат, третьей бежала Лара, последней семенила отстающая Кася. От сарая примчался Сеня.

Пес возлежал по центру средней грядки в дальнем ряду. Увидев хозяев, он обрадовался, «поросячий» хвост принялся наяривать по сторонам, безжалостно сминая нежную ботву морковки.

Мать ухватила Волчу за ошейник и отчитала его:

– Лежать на обычной земле, значит, слишком твердо. Некомфортно. Предпочитаешь помягче места. Я для тебя, сволочь, эту грядку перекапывала и рыхлила?!

Тима расхохотался, остальные дети сдержанно улыбнулись: смешно мамка ругается.

Родительница поволокла собаку к будке, грозно обещая:

– Будет тебе сейчас земля пухом…

Она привязала пса на цепь, схватила палку, которой гоняли кур, и со всего маха долбанула Волчу по спине. Тот громко взвизгнул и юркнул в будку.

– Ах, ты прятаться удумал! Сейчас я тебя вытащу… – Мать тянула пса за цепь. – Правилам поведения научу.

Лара похолодела от ужаса, посмотрела на собратьев. Ребята стояли неподвижно, забыв моргать. У Тимы дергался внешний угол правого глаза, Сеня сосал палец, а у Косули тряслись губы – сейчас зарыдает малышка.

– Пойдемте-ка лучше домой, – предложила Лара.

Они бегом забежали в помещение, юркнули в детскую спальню и закрыли дверь за собой. На паласе ожидала недоигранная партия в «Зоопарк». Четверка уселась вокруг, но к игре не приступала, а слушала во все уши, что происходит снаружи.

С улицы доносился тихий скулеж собаки, перемежаемый его же громкими взвизгиваниями и свирепыми угрозами мамы.

– Бедняга Волча, не повезло ему. Попался матери под горячую руку. – Глаз Тимки продолжал интенсивно дергаться.

Визг, вой и крики на улице прекратились, послышались шаги за окном. Вчетвером, замерев, внимали звукам. Хлопнула дверь на веранде, входная… Шаги приближались к детской. Дверь комнаты резко распахнулась – дети вздрогнули и застыли, уставившись на проем.

На пороге возникла улыбающаяся мама. Она источала спокойствие, тихую радость и даже счастье. Звезды в сияющих синющих глазах переливались всеми цветами радуги, словно гирлянда на новогодней елке в детском саду.

– Справедливость восторжествовала, виновные наказаны! – сообщила мать и провела озорным взглядом по детям, – Вы чего заперлись? Пойдемте кушать!

17.30 Витаминная кинза

Разливая суп по тарелкам, мать обратилась к Ларе:

– Сбегай-ка за приправой! Сегодня не забуду, не надейтесь.

Лара нарвала укропа, петрушки, зеленого лука и даже перьев чеснока. С надеждой, что мама не заметит хитрости, она вернулась домой. Фокус не прошел.

– Не поняла, это всё?! – возмутилась родительница, – А где кинза?

Лара взглянула на Тиму, брат наморщил лицо и пальцами показал текущие слезы.

Дети не терпели никаких приправ, но особенно на дух не переносили горячо любимую мамой кинзу, сражающую наповал запахом свежераздавленных сочных клопов.

Увлечение матери пряностями началось с совершенно безобидного укропа и ядреного, но терпимого, зеленого лука. Дети привыкли. На следующий год присоединились горьковатая петрушка со вкусом почвы и жгучие перья чеснока. Дети возмущались, противились, но смирились – жевать получалось. Градус материнской страсти к приправам нарастал, еще через год на столе лежал сельдерей, вонючий и отвратительный. Думали, ничего хуже уже невозможно. Жестоко ошиблись.

Мама по каталогу выписала кинзу. Как она траву нахваливала, семена желающим бесплатно раздавала. Перестала разводить сельдерей, посадила вместо него целый ряд вонючки.

Стоило мускатную пряность поднести ко рту, как клопиный запах проникал везде: в рот, нос, глаза и даже мозг. Ей-

богу, куриный помёт приятнее пахнет. А положишь приправу на язык – исчезают остальные вкусы. После еды кинза долго отрыгивалась противной вонью часами. Дети через не могу ели, но так и не привыкли, так и не смирились.

Этой весной в отсутствие мамы Лара и Тима долго стояли около кинзы, размышляли о перспективах. Они загнутся поедать пять кустиков, нужно себя спасать.

Лара как раз по биологии изучила корневые системы.

– Растения не выживут без корней, – дельно предложила она.

– Если удалим, мамка заметит – головы нам снесёт, – подключился к дискуссии брат.

– Значит, нужно их оставить на месте, но незаметно повредить.

– Как?

Придумали выдернуть кусты из почвы и аккуратно прикопать. Так и сделали.

На удачу вечером того же дня в гости зашла местная тетя-колдунья, мама с гордостью показала ей огород. Кинза на следующее утро и завяла.

– Ух, глаз черный, завидущий! Позавидовала урожаю, порчу навела. Ноги ее больше там не будет, – гневно обвиняла мама потомственную ведунью, потрясывая кулаком.

Мать окучила кустики, полила обильно водой, подкормила настоявшимся куриным помётом, укрыла целлофаном. Вечером ходила расстроенная, а ночью даже плакала.

Два растения из-за усиленной заботы умудрились выжить. Лара и Тима снова собрались перед грядкой, но не решились довести задуманное до конца. Мамку стало жалко, так одиноко стояла она над любимыми кустиками да по пять раз на дню проверяла.

Оставили на свою беду, глотай теперь клопов.

– Матуля, нам очень нравится укроп, петрушка, лук, чеснок и даже сельдерей. Давай без кинзы, пожалуйста! – отважно попросил Тимофей.

– Вот еще! – выразительно фыркнула мать, – В кинзе море витаминов.

– Пахнет клопами… – безнадежным голосом прошептал брат.

Красных паразитов помнили все, даже Кася застала. Зудящие укусы на теле, вонь при уничтожении насекомых, бесконечная дезинфекция постелей и диванов вонючими средствами. Клопов вывели пару лет назад, а их черные следы-точки остались навсегда.

– Где я вам апельсины найду?! Кинзу есть будем, – ответила мама Тиме и взглянула на Лару, – Ты чего ждешь? Уже должна была обратно вернуться! Беги и много нарви. Или выпорю тебя.

Лара по посыпанному опилками междурядью аккуратно прошагала к грядке со специями. Средняя в первом ряду, сразу за цветником, метр на три, высотой двадцать сантиметров. Батька долго для нее доски ровнял.

Лара смотрела на растение и не могла решить, сколько сорвать. Мало – накажут, много – придется есть. От кинзы давно разбежались насекомые: не ползали рядом жучки, не летали мухи и комары, муравьи осторожно обходили растение стороной. Одним детям никуда не сбежать.

Чтобы ты не сделал, всё – неправильно, станет только хуже. Единственный выбор – определить меньшее из зол. Лара в любом случае виноватой останется, так хоть мучаться не сильно.

Она оторвала три веточки и вернулась домой. Тимка взглянул диким зверем, прошептал беззвучно губами: «Предательница!»

– Кого за смертью посылать называется. Где бегаешь, суп уже остыл?! Мало принесла…

Мать, нещадно ругаясь, нарезала-надавила тупым ножом приправу и лично бросила всем в тарелки.

Дети ели, аккуратно оттесняя вонючку на край посуды.

Тима встал из-за стола первым, поблагодарил:

– Спасибо, матуля! Было очень вкусно. – и помчался к выходу.

– Куда пошел?! – остановила его мама, – Я сказала траву съесть.

– Она клопами пахнет, меня тошнит.

– Собери на ложку, зажмурься и прожуй.

Тимьян положил кинзу в рот и выдал позыв на рвоту.

– Не тяни время! – настаивала мать.

Брат сглотнул.

Вторым доел Сеня. Также морщась и закрыв глаза, запихнул в себя витаминную траву.

Мама заставила проглотить пряность даже плачущую Касю. Сестра первую порцию выплюнула на пол и получила звонкую пощечину. Остаток кинзы мать зажала во рту малышки и проорала:

– Глотай, сволочь упертая! На хрена я тебя родила?!

Бедная Косуля сдалась.

– Ну вот, а говорили, не сможете съесть. У меня всё сможете, воспитаю вас в человеков! – триумфально подытожила мама и улыбнулась.

Лара осталась последней.

– Думаешь, я сейчас уйду – ты в помойку выбросишь? Номер не пройдет. Ешь давай! – подгоняла мать.

Лара обреченно собрала всю приправу на ложку и занесла в рот. Запах овладел телом, во рту появился отвратительно-сладкий, слегка вяжущий и холодящий привкус. Она больше не девочка, а клоповник, кишащая масса насекомых. Лара резко сглотнула, тело рефлекторно передернуло.

– Выделываться она удумала… Стараешься для них, а они рожи воротят: то не так да это противно! Вывариваешь ради них – никакой благодарности. А мне никто вкусной еды не выращивал. Какая уж там кинза, морковки корявой не видела! Обо мне никто не заботился… о тарелке супа мечтала… чердак… интернат…

Лара удалялась от кухни, а мама вспоминала детство и тихо бубнила себе под нос.

Хоть бы в следующем году снова тетя-колдунья пришла огородом полюбоваться и заодно сглазила оставшиеся два куста кинзы.

20.30 Обидно и стыдно

Гулять Лара в этот вечер не просилась. Мама так редко бывала счастливой, что испортить ей настроение своими докучливыми желаниями Лара не решилась. Прибьет ведь как собаку. Или того хуже, заставит кинзу есть.

После еды Лара за час полила огород и лишь присела на лавочку, как в форточку позвала мама.

Лара захватила со спальни подушку, прошла в зал и закрыла дверь. Мать расстелила на полу газету.

– Может, обрезать волосы? – по обыкновению предложила Лара, не особо надеясь.

– Сначала просит годами их сохранить, теперь требует укоротить. Сама не знаешь, чего хочешь.

Лара давно научилась догадываться, какой правильный ответ желает услышать мама. Если она спрашивает: «Ты же не хочешь волосы стричь, не так ли?», следует непременно отвечать: «Не хочу»; а ежели родительница по-другому говорит: «Ты ведь хочешь…», обязательно подтвердить: «Да, хочу». Всегда соглашайся с мамой и не спорь: тише будешь

– меньше боли.

Лара никогда не мечтала о длинных волосах, лишь безропотно уступала родительской власти. Только разве скажешь об этом?!

Она села на колени поверх подушки и наклонила голову. Огромная пушистая грива свесилась над газетой, задевая ее. Мгновенно стало душно.

Сначала по волосам прошлась массажная расческа, нещадно раздирая спутанность и устраняя комки. Лара морщилась, но терпела. Следом в основание черепа вонзился гребень, медленно прошел через всю голову, царапая кожу, и начал спускаться по волосам вниз. Лара тихо верещала: «Ай-ай-ай!»

Вошки падали на газету и разбегались в разные стороны. Мать отпустила расческу и бросилась давить насекомых ногтем большого пальца. Паразиты лопались, мелкие с хрустом, толстые с треском. Раньше Лару сильно тошнило от вида раздавленных вшей, потом привыкла.

Мама поймала всех газетных бегунов, схватила гребень, оставшийся висеть в волосах, и резко рванула его вниз. Волосинки оторвались от скальпа, в глазах от боли набухли слезы.

– А-а-а, – громко взвизгнула Лара.

– Что за неженка?! В мире нет ни одного ребенка, от которого мать видела бы столько проблем, как от тебя. Развела зоопарк в голове, бесстыжая. Еще и орет. Терпи теперь!

Гребень зашел на второй круг. Лицо Лары запылало жаром, покрылось испариной.

Мама с яростью вычесывала, с удовольствием давила и громко проклинала несчастную судьбу. Лара замерла и старалась не двигаться.

Хорошо, хоть тараканы вывелись из-за стужи. Сидишь, бывало, на коленях, а усатое коричневое насекомое навстречу бежит, забраться на тебя желает. Исчезли они прошлой зимой. Одна из двух печей, та, что отапливает детскую и зал, стала дымить сильно. Ее и закрыли. Вторую топили чаще, но тепла в морозы не хватало, дома выше пятнадцати градусов термометр не поднимался, от полов диким холодом несло. Усатые и вымерли, как динозавры. Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Лара потеряла счет времени, проходам гребня и вырванным волосам; в коленях стреляло, спину свело от неподвижности, шея занемела и нещадно болела. Иногда тело не выдерживало и расслаблялось – грива локонами ложилась на газету. Мать мгновенно сильно толкала, и Лара сжималась вновь.

– Мама, пожалуйста, давай укоротим прическу, сделаем по плечи, как у тебя, – упрашивала Лара.

– Нет, – рявкала родительница, – Сиди спокойно. Чего ерзаешь, мне мешаешь?

Первый раз семью поразил педикулез, когда вернулись из-за Урала в родную мамину деревню. Ларе тогда пять лет бы-

ло. Брата и отца мать лично постригла налысо, себе короткую стрижку сделала, а Лару чесали. Быстро справились, пока Тима опять из садика беду не принес. И снова бег по кругу. Сложнее всех приходилось Ларе. Чем только ей вшей не выводили: вонючим керосином, дегтярным мылом и порошком дуста. Победят паразитов, а через месяц упорные насекомые возвращаются, опять полгода выводят…

– Свободна. – Мама смяла газету с трупами вшей и сунула в печь.

Лара вскочила, потрясла конечностями, повертела головой и размяла шею. Чуть-чуть потерпеть, скоро пытка закончится.

Мать села на диван, Лара положила подушку ей на колени и легла на бок головой на подушку.

Мама выдергивала гнид не церемонясь, вместе с волосами. Между ее ногтей хрустели молодые личинки, щелкали вызревшие.

Кожа головы горела, ноги ломило, хотелось сбежать… Лара уже не тут, а гуляет по лесу с оленями.

Мать рванула слишком сильно.

– Ай! – взвыла Лара, – Мама, пожалуйста, давай обрежем коротко!

– Ты что думаешь, если будешь меня каждые пять минут просить, то я сдамся и соглашусь? Не на ту напала.

– Но почему нет? – вопросила Лара.

– Все остальные обстрижены. Тебя обкромсаем, так де-

ревня догадается, что вши у нас. Ходи мне потом, позорься из-за тебя. Не хватало еще, чтоб соседи прознали! Поворачивайся давай на другой бок и заткнись, не мешай мне работать.

Лара перевернулась. Многие в их классе страдали педикулезом, никто не сообщал, но ребята знали. Сидишь на уроке, а у сверстницы с головы насекомое выпадает. Какие уж тут сомнения?! Подруге Марине ее мать в аптеке средство купила, сразу и вывели. Может, мама не знает…

– Мам, давай в аптеке лекарство закажем, из города привезут. Оно эффективное, – предложила Лара.

– Опозорить меня хочешь?! – взвилась родительница, – Там такие сплетницы работают, весь поселок судачить будет и пальцем тыкать – у Ивановых вши! Ни за что!

Ничего Ларе сегодня не поможет. Терпеть… Она забылась в фантазиях. Резкий хлопок по спине вывел в реальность.

– Вставай, говорю! Оглохла, что ли? Совсем меня не слышишь.

Лара вскочила, сгребла подушку, рванула к выходу, схватилась за дверную ручку…

– Что сказать нужно? – гневно потребовала мать.

– Спасибо, мама! – ответила Лара и замерла в ожидании разрешения уйти.

– Вшей ей вычесываю в свободное время, забочусь о ней, и никакой благодарности в ответ. А вот обо мне в детстве никто не думал. – Глаза мамы заволокло поволокой, звез-

дочки радужки растворились в тумане прошлого. – Хоть бы раз бабка Нина, мать моя непутёвая, мне вшей вычесала? Ни разу! Обреют меня налысо отцовским бритвенным станком, сверху косынку повяжут. Так и хожу пару месяцев в ней, пока волосы чуток не отрастут. Обидно и стыдно. Одна, никому дела до ребенка нет.

Как же жалко мамочку, тяжело ей пришлось выживать! Человек не насекомое, ко всему привыкает: к тараканам, клопам, блохам, вшам, кинзе, родителям-алкашам, чердаку и детдому.

Лара устала держать и потому отпустила ручку двери, раздался тихий скрип. Мама встряхнулась, глаза ее прояснились:

– Чего стоишь пялишься? Чеши давай отсюда! Тюфяк не забудь занести.

21.00 Взгляни ввысь

Лара забежала в кухню воды попить да время посмотреть. Будильник показывал девять. Полтора часа вычесывались! Лара сходила на улицу за матрасом и принесла его в детскую.

Братья сидели за письменным столом. Сеня – по центру, он печально рассматривал шестицветный набор карандашей, вынутый из упаковки. Тима разместился на табуретке сбоку, он держал в руках желтый карандаш и пытался заточить его кухонным ножом. Тот сопротивлялся, не скользил вниз,

а упорно застревал в начале пути.

– До чего тупой! – Тимьян с грохотом хлопнул нож о стол.

– Дай я!

Лара бросила ношу на кровать и схватила предметы, острие отказывалось срезать с дерева стружку.

– Нож наточить нужно, – постановила Лара.

– Мы типа не знаем! Ты мамке попробуй рассказать. – Брат рассмеялся.

Чем бы заострить? Тонким лезвием с папиной бритвы. Лара принесла отцовский станок из ванной, осторожно разобрала на части, вытащив лезвие.

Братья по одному подавали карандаши. Лара аккуратно, стараясь не пораниться, срезала тонкие полоски дерева, показавшийся грифель заостряла.

Ну вот, шесть острых инструментов художника готовы! Малой радостно улыбался. Лара оттерла с лезвия разноцветные следы, собрала станок и отнесла его на место.

Родители даже не узнают, что она трогала опасные вещи и затупила папину бритву. Пацаны не сдадут, сами участвовали!

Когда Лара вернулась в детскую, Сеня яростно рылся в ящиках стола, Тима шарил в портфелях.

– Что ищете?

– Листок, – грустно ответил маленький братик.

Лара присоединилась, прошерстила свои альбомы, все страницы оказались разрисованы. Она взяла тетрадь по рус-

скому, удачно начатую в конце года.

– Сень, у меня только в линеечку есть. Хочешь вырву?

Братишка радостно кивнул.

Он положил перед собой лист, взял черный карандаш. В нижней части рисунка точно посередине появился контур птицы. Сеня дорисовал штрихи перьев на крыльях, поменьше – ближе к телу, отдельные огромные – на концах. Хвост лег веером, тоже с крупным оперением. Круглые глазки и горбатый заостренный клюв появились последними и окрасились желтым. Коричневым Малой заштриховал остальные части, то сильно нажимая карандаш, то едва касаясь бумаги. Красиво получилось и очень похоже.

– Теперь повесим на стену, – предложила Лара.

– Еще не готово, – не отрываясь от рисунка, ответил братик.

Он взял зеленый. Сверху листа от края выросли вниз головами три маленькие елочки. Они висели не прямо, а чуть наклоняясь, будто стремились друг к другу. Странно, почему вверх дном? Лара продолжила наблюдать.

Сеня схватил опять желтый карандаш. От края листа с перевернутыми елочками хлынули до середины картинки расходящиеся солнечные стрелки. Рисунок выглядел всё чуднее.

Братик снова поменял цвет, взял синий. Между лучами он заштриховал легким тоном, к низу листа переходящим в яркий. Сеня отложил карандаш и гордо произнес:

– Готово!

Лара открыла рот, но Тимка опередил:

– Чего у тебя елки вверх тормашками?

– Я лежу на траве и смотрю на небо, – спокойно объяснил Малой.

– Как сегодня в лесу, что ли? – уточнил Тимофей.

Сеня кивнул.

Лара пристальнее всмотрелась в рисунок. Точно! Лежа на земле, взгляни ввысь, так и выйдет. В поле зрения виднеются верхушки деревьев, позади светит солнце и освещает небо от тебя впереди. А прямо над тобой парит в голубой высоте птица.

– Это орел? – поинтересовалась Лара.

– Да. Я себя в будущем нарисовал. Летаю, где хочу, – мечтательно протянул братик.

– Здорово ты умеешь! – поддержал Тима, – Давай повесим картинку!

Втроем заново перерыли ящики письменного стола, нашли семь ржавых загнутых кнопок. Четыре разогнули и прикрепили рисунок на стену над кроватью Семёна.

Издалека донесся командный материнский крик:

– Время десять. Отбой!

22.00 Ты тоже спи

Лара постелила Сене койку, отвела его на улицу помо-

читься. Они вернулись, скинули одежду, аккуратно повесили ее на спинки кроватей и улеглись.

В комнату вошла мать и увидела рисунок.

– Неплохо получилось, – прокомментировала она, – Не только в постель прудить умеешь…

Мама погладила Малого по голове и приобняла.

– Спокойной ночи, сынок! – ласково прошептала она.

Ого, мать до сих пор в хорошем настроении! Вот что торжество справедливости делает. Редко она приходит попрощаться на ночь. Лара пыталась вспомнить, когда был последний раз, но не смогла.

Родительница приблизилась к Тиме, так же нежно его обняла и пожелала волшебных снов.

Сердце Лары забилось с удвоенной частотой: сейчас и к ней подойдет мама, обнимет, приятные слова скажет.

Мать направилась к выходу. Проходя мимо Лары, бросила быстрое:

– Ты тоже спи.

Она двинулась дальше, но остановилась и повернулась снова к Ларе. Похоже, сейчас пожелает доброй ночи, – Лара застыла в ожидании.

– Посуда грязной осталась. Помой завтра, пока я на работе. Ясно?

Лара кивнула, родительница вышла и закрыла за собою дверь.

Наверное, Лара опять плохо себя вела, вот ее мама и не

обняла, ночи спокойной не пожелала. Точно, папку сразу не сдала, картошку толсто порезала, кинзы сначала не нарвала, потом мало принесла, а после вычески забыла мать поблагодарить. Ничего, завтра Лара исправится, идеально родительские наказы исполнит. Когда-нибудь мама обязательно обнимет.

22.15 Имена

Лара судорожно вздохнула и подняла взгляд на ковер. Хорошо, что у нее есть надежные друзья. Рука потянулась и погладила гладкую шерстку главы оленьей семьи. Нос животного уперся Ларе в щеку, ласково потерся, совсем как в детстве щекотал ее папа жесткими усами. Лара улыбнулась.

Ой, она даже не знает их имен.

– Как тебя зовут?

Олень упорно молчал. Наверное, не умеет говорить.

– Можно я буду звать тебя Витторио? – Лара слышала, что именно так друзья отца в шутку обращались к нему.

Зверь кивнул.

К ним приблизились олениха и олененок. Как бы назвать жену Витторио?

– Ты будешь Мила. Хорошо? – Так маму окликала баба Нина, пока не умерла.

Мила не возражала.

– Младшего назовем… Каспер. – Лара где-то случайно

услышала это имя, оно ей понравилось.

Окруженная оленями Лара двинулась по широкой тропинке. Мягкая влажная почва, птичья перекличка, запах багульника и смолы. Вдали из-за высоких сосен выглядывал апельсинчик, заходящее солнце. Лес выглядел как вчера, только маршрут изменился.

Они миновали заросли «гусиных лапок», огромный муравейник и дошли до знакомой скалы. Витторио отодвинул мощными рогами кусты можжевельника.

Лара обняла Каспера, потерлась о мордочку Милы и ласково провела рукой по крупной спине Витторио.

– Спокойной ночи, друзья!

Олени промычали в ответ.

Лара открыла железную дверь бункера и смело шагнула внутрь.

Братья и сестра сидели на ковре в большой комнате с разложенной посередине игрой «Зоопарк». Они доиграли до конца, победа досталась Сене.

Вчетвером дети сели за огромный письменный стол. Посередине него находился стакан тонко заточенных карандашей. Лара насчитала тридцать разных цветов, даже розовый и изумрудный были в наличии. На левом краю стола лежала бумага, всевозможных размеров и поверхностей.

Сеня выбрал большой ватман и приступил рисовать. Снова роскошный орел, остроугольные верхушки елок, яркое солнце, лазурное небо и ощущение полной свободы. Чудес-

ная вышла картина!

Ребята закрепили рисунок в рамку, повесили над пахнущей мятой и черной смородиной кроваткой Малого. Спальня ожила, заискрилась радостью и надеждой.

Каждый лег на вчерашнее место. Послышалось дружное:

– Спокушки!

Лара обняла сестренку, Кася схватила ее за ладонь. Лара умиротворенно закрыла глаза: она счастлива хотя бы в мире фантазий.

Среда. Мужики не плачут

07.30 Детей не буди

– Вставай! – Лара проснулась от шепота мама и тряски за плечо. – Оденься и выходи. Быстро и тихо!

Лара накинула неизменное платье, завязала лентой хвост и вышла из спальни, прикрыв за собой дверь.

Мать на кухне собирала сумку. Будильник показал полвосьмого. Чего так рано?

– Я сейчас ухожу на работу. Каша на столе, поделена. Списки дел я написала каждому. Ты остаешься за главную. Детей не буди, пусть подольше поспят, они устали. Сестра проснется, одень ее и покорми. Она сегодня на твоей ответственности, глаз не спускай, случится с ней чего – шкуру с тебя спущу. Живьем! – Мать так гневно взглянула и блеснула звездочками, будто Кася уже пострадала. – И тюфяк вынести не забудь. Ясно?

Убедившись, что Лара кивнула, мама ушла.

Лара взяла в руки списки. На обратной стороне куска обоев родительница разграничила две колонки, озаглавив именами детей.

Перечень работ Лары выглядел длинным: куры и кролики – кормить и поить, собака – плеснуть воды, следить за сест-

рой, матрац сушить, посуду помыть, подмести. В списке Тимофея значилось два пункта: вынести помои, принести два ведра воды.

Лара начала с приятного, с еды. Открыла плоскую кастрюлю и выбрала самую большую четвертинку каши, развернув сектор к себе. Она кушала медленно, наслаждаясь каждой ложечкой. Смотрела в окно на гуляющих кур, солнечный свет, деревья и ела. Когда еще удастся побыть в одиночестве и тишине. Блаженство!

Покушав, Лара вышла на улицу. Рыжик, как обычно, успел проскочить между ног. Наглый котяра!

Она покормила курей, воюя с петухом. Тот клюнул всего два раза, по голени и щиколотке правой ноги. Затем Лара закинула вчера собранной травы кроликам, погладив каждого по мягкой шелковой шубке. Какие милые! Под конец налила воды животным, включая собаку.

Волча грустно выглянул из конуры, Лара потрепала пса по голове и утешила:

– Не повезло тебе, бедняга. Не надо мамку злить. Обещай больше не валяться на грядках и домой вовремя приходить.

Волча заметно повеселел, оживился, вылез из будки и облизал Ларе ноги, яростно виляя по сторонам «поросячьим» хвостиком.

Вернувшись в помещение, Лара принялась искать кота, пока тот не наложил кучи под койки да блох не скинул на ковер. Те больно кусаются, маму нервируют.

Рыжик нашелся под бывшей родительской кроватью. Лара ловко его оттуда достала и отнесла на улицу. Летом нечего котам дома делать!

Она взглянула на будильник, время девять, а дети спят, засони. Стало тоскливо и одиноко. Лара принялась громко греметь посудой. В комнатах послышались звуки – просыпаются домочадцы.

– Мама? – жалобно позвала Кася.

Лара пришла в спальню – Косуля плакала.

– Чего случилось?

– Я… пипи. – Сестра ткнула пальцем в мокрое пятно посередине кровати.

Тело Лары протрясло, по коже пробежали мурашки озноба – вечером жди скандал.

– Вставай, мы матрац вынесем сушиться.

Лара одела и причесала Касю, усадила в детский стульчик.

– Хочешь сама поесть? Ты уже большая девочка, – предложила Лара.

Сестра кивнула, схватила ложку и принялась наворачивать с аппетитом кашу. Зачем мама настаивает, что Косулю нужно кормить взрослым, если она способна сама? Непонятно.

Из спальни появились мальчишки.

– Напрудил сегодня? – обратилась Лара к Семёну.

– Не-а. – Довольно мотнул головой братишка.

– Молодец! – похвалила Лара и порадовалась: не зря вчера

его перед сном выводила во двор.

Лара вынесла по очереди два матраса. Сенькин кинула на обычное место проветриваться, поверх стопки досок, а родительский повесила на забор за сараями сушиться.

Когда Лара вернулась, Кася и братья уже поели и сидели в кухне.

10.00 Жмурки

– А батька где? – серьезно спросил Тима.

Папа домой утром не явился, то ли запил, то ли смена утренняя выдалась – совершенно неясно. Лара давно перестала высчитывать, на работе ли он. Пришел и то хорошо.

– Не знаю. – Она пожала плечами. – Пойдемте на улицу в жмурки играть! Кто последний – тот и водит!

Наперегонки с громким ором вчетвером рванули наружу, почти выбив входную дверь из пазов. Замечательно быть дома одним, без родителей. Можно бегать, визжать от радости, толкаться и даже двери с ноги открывать. Ни у кого голова похмельная не раскалывается, ни у кого нервы от громких звуков не сдают.

Последней до скамейки добралась Кася. Ей повязали платок на глаза и чуть раскрутили. Дети бросились врассыпную. Сестра, вытянув руки, медленно ходила по двору. Остальные на цыпочках, бесшумно подкрадутся к ней и резко хлопнут в ладоши позади. Та обернется, хватает ручками уже пустой

воздух. Забавно!

А Тимка любил особо подразнить:

– Косуля, иди сюда. Я здесь! – и перемещался в другое место.

Спустя время Касе в руки попалась Лара, специально поддалась. Сестра маленькая, никогда их не поймает.

Игра понеслась веселей. Лара словила Сеню, тот Тимку, который ловко схватил Лару. Крик, шум, быстрота.

Один раз, правда, случилась неприятность: Малой упал и ударился коленкой. Он собрался расплакаться, но старший брат ловко поднял его за руку, грязь отряхнул и серьезно сказал:

– Всякое бывает… Но ты мужик, а мужики никогда не плачут.

Сеня брата любил, во всем слушался и подражал, потому потер больное место и гордо заявил:

– Я и не собирался.

Ребята поиграли еще чуток: набегались, запыхались, вспотели. Дружно уселись на скамеечку отдыхать.

День выдался жаркий, солнце палило вовсю – июль в этих местах всегда замечательный.

– Пойдемте купаться на ламбушку! – предложил Тима, – Волчу прихватим.

– Только если ты за ним следить будешь. Убежит – его снова побьют, – заволновалась Лара, помня печальный взгляд собаки.

– Хорошо, возьму пса на себя, – ответственно заявил брат.

Они положили в холщовую сумку синее покрывало с кровати Лары, одно на всех желтое банное полотенце, сменные трусики для младших и несколько кусков черного хлеба, чтобы зажарить на костре. Вчетвером двинулись в путь.

10.30 Озеро Прозрачное

Озеро Прозрачное, или по-простому ламбушка, располагалось в получасе ходьбы и пользовалось в деревне большой популярностью. Сначала идешь по проселочной дороге до картофельного поля, затем никуда не сворачивая еще минут двадцать, увидишь слева отворот на широкую лесную тропу. Почти на месте.

На выходе из деревни Тима освободил Волчу. Тот, хоть и отлучался в лес погавкать, к озеру вернулся обратно.

Небольшое, размером с участок вокруг дома, и неглубокое, с удивительно прозрачной водой и песчаным дном, озеро быстро прогревалось до теплоты. Половину берега занимали пляжи с толпами отдыхающих; вторая часть лесной ламбы была заболочена: кочки, мох да трава, туда никто не совался.

В купальный сезон разводили костер на обложенном камнями специальном месте. Первые поутру пришедшие поплавать разжигали огонь, последние поздним вечером убывающие тушили его, остальные бегали в лес дрова собирать.

Дорога вперед прошла быстро. Завидев озеро, дети скинули верхнюю одежду, сложили в одном месте и бросились в воду. Следом за ними нырнул Волча, известный любитель поплюхаться. Кася пристроилась на спине Лары, держась аккуратно за шею. Так вместе и плавали, рядом лапами загребал пес.

Устав от купания, вчетвером вернулись на мелководье. Брызгались и валялись на дне в набегающих легких волнах. Губы у всех посинели, кожа покрылась мурашками, зубы стучали от холода, но они стойко продолжали лежать. Лишь когда Касю крупно затрясло, вышли на берег, обтерлись полотенцем. Лара переодела младшим трусики, сырые отжала и повесила сушиться на кусты. Сама осталась сохнуть в мокром старом купальнике. Хорошо, что Лара только вверх растет, а не вширь, одежда много лет служит.

Волча тоже выполз на пляж, встал перед загорающими товарищами и основательно отряхнулся. Сочные брызги накрыли окружающих, послышались визги и громкий мужской окрик:

– Ивановы, уберите своего вонючего пса! Хватит того, что миски со дворов ворует. Еще и тут покоя нам нет.

Волча на крикуна никак не среагировал, а достойно отошел в сторону и залег в тенек под ивовый куст, открыв пасть и вывалив наружу язык. Собака, может, и дворняга, но воспитывали его всё-таки словно он благородных кровей.

Братья содрали с поблизости растущей березы четыре

длинные ветки, на их концы нацепили хлеб. Разместили ломтики над огнем, те быстро покрылись черной подгорелой корочкой. Дети с удовольствием скушали сухари, откусывая маленькими кусочками и тщательно прожевывая. Есть хотелось сильно, с утра после каши ничего во рту не было.

К пляжу подходили новые люди. Семьями, компаниями, по одному. Знакомые и неизвестные. Вот пришли подруга Лары Марина, ее четырехлетний брат Никита и их мама, тетя Наташа. Она разложила покрывало, сидела, читала книгу, а дети отправились купаться. Ларина компания присоединилась. Волча хоть и смотрел в их сторону, но к воде более не стремился.

Вшестером долго резвились: ныряли, бултыхались, устраивали конкурс на «кто дольше просидит под водой». Тимка победил. Дрожащими от холода ребята вышли на берег, вытерлись и переоделись в сухое.

Тетя Наташа пригласила присоединиться к ним.

13.30 Чужая мама

Ивановы перенесли свое покрывало поближе. Вся большая группа уселась кружком. По левую сторону от Марининой мамы сидели ее дети: Никита и Марина. По правую разместились гости: Сеня ближе всех к чужой маме, затем Тима, Кася и Лара.

Тетя Наташа достала из сумки три огромных булочки.

Аромат ванили защекотал в носу, рот наполнился слюной. Должно быть, вкусные! Она снова засунула руку в торбу и вытащила литровую банку розовой жидкости с плавающими тремя ягодами.

Мама Марины развернула складной нож и поделила булочки пополам. Ножик был острый, словно лезвие в отцовской бритве; он впивался в тесто, не рвал, не давил. Наверное, папа Марины хорошо свои обязанности выполняет.

– Сколько у нас тут детей? – намерено озадаченно спросила чужая мама.

– Шесть! – громко ответила толпа.

– Значит, всем хватит. – Тетя протянула каждому по половинке. – Кружки у нас всего три. Сделаем так: одна – Марине и Никите, вторая – Ларе и Касе, последняя – Тиме и Сене. Всех устраивает?

Дети дружно кивнули.

Тетя Наташа разлила компот по кружкам, поставила их перед парами.

– Кушайте на здоровье, приятного аппетита!

Лара впилась в булочку аккуратно с краю. Подобную вкуснятину стоит посмаковать!

Остальные дети также медленно поглощали сдобу, запивая с чмоканьем клубничным компотом.

– Лара, ты как учебный год завершила? – обратилась мама Марины.

– Почти на одни пятерки, четыре по физкультуре вышла, –

сообщила Лара.

– А какой предмет нравится?

Подумав, Лара ответила:

– Наверное, литература. Я люблю сочинения писать.

– Как здорово! Писателем хочешь стать?

– Не знаю. – Лара пожала плечами.

Она закончила лишь седьмой класс, четыре года впереди.

Следом тетя Наташа обратилась к Тиме:

– А ты что в школе любишь?

– Я жду, когда физика начнется. Хочу механиком стать, чтоб велосипед отремонтировать.

– Какая интересная задумка! Обязательно получится.

Она посмотрела на Сеню. Тот, не дожидаясь вопроса, ответил:

– А я недавно нарисовал орла! – Малой гордо приосанился. – Ток небо синим пришлось закрасить, – с досадой продолжил братик и сник.

– Разве оно не синее? – удивилась мама Марины.

– Нет, голубое! – возмутился Сеня.

– Точно, я и забыла! Почему ты его синим закрасил?

– Нет у нас дома другого карандаша… и альбом закончился, пришлось на тетрадном листе рисовать. – Сеня погрустнел, опустил голову.

Тетя Наташа погладила его по спине приговаривая:

– Ты большой молодец, что не сдаешься, а рисуешь чем есть. Так великие художники делали.

Малой оживился, заулыбался.

– Красивый рисунок вышел? – поинтересовалась чужая мама.

– Очень! – Дружно закивали Лара, Тима и даже Косуля.

Тетя перевела взгляд на Касю.

– А я в цирке буду сальто делать, – не мешкая, сообщила Косуля.

– Ого! Акробаткой, что ли?

– Да, меня няня учит каждый день.

– Успехов тебе! – Мама Марины посмотрела на банку из-под компота. – Вот незадача, у нас лишь три ягодки. Они мягкие, пополам не разделишь… Что же делать?

– Можно самым маленьким отдать, – предложила Лара.

Никто не возражал. Кася, Никита и Сеня получили по вкуснятине.

К компании приблизился мужчина, пришедший из леса, и чмокнул в щечку маму Марины.

– О, ты приехал? – обрадовалась та.

– Да, раньше освободился. Пойдемте!

Тетя Наташа собрала вещи и обратилась к Ларе:

– Если хотите, мы можем двоих подвезти. Только без Волчи, от него шерсти много.

Лара судорожно соображала, кого отправить домой на машине. Двух братьев? Не выйдет: Касю и Волчу Ларе в одиночку не дотащит. Сеню одного? Ему шесть лет, всякое может случиться, пока остальные до дома доберутся. Себя с

Касей? Мальчишки тогда одни пойдут: опасно, вдруг их кто обидит по пути, да и Волча неуемный. А если отправить Тиму и Касю? Нельзя, мать велела глаз с сестры не спускать, шкуру живьем сдерет.

Подходящих вариантов не нашлось, поэтому Лара вежливо отказалась:

– Спасибо, тетя Наташа. Мы сами дойдем, тут недалеко.

– И то правда! В гости к Марине забегай в любой день, кроме субботы. Мы тогда в город поедем. Приходи, например, в воскресенье. Касю возьми, как обычно. Они с Никитой вместе дружно играют.

– Хорошо, – согласилась Лара.

Папа Марины схватил в одну руку сумку, другой поднял Никиту и зашагал по тропинке к машине. Марина и ее мама шли следом, держась за ручки.

Лара мечтательно смотрела им вслед. Вот если бы их мама Люда была такой, как Маринина!

Почему чужая мама добрая? Спрашивает про дела, интересуется любимым школьным предметом, булочками угощает и в гости зовет? Почему родная мама другая, никогда так не делает?

Наверное, ей не до того. Четверых детей и взрослого мужика обслуживать надо, времени совершенно нет и работа тяжелая. Отпахала бы мама Марины смену на заводе, посмотрели бы на ее доброту. А то сидит в теплом месте, на удобном кресле, бумажки перебирает. Побегала бы по холод-

ному цеху – любезность бы как рукой сняло. И батька Лары пьет, матери совсем не помогает, вот если бы он завязал… Мама Лары хорошая, просто ей в жизни не повезло: ни с родителями, ни с мужем, ни с детьми, ни с работой. Везде сплошные неудачи.

А маме Марины со всем посчастливилось, включая супруга. Папа подруги – не пьющий, машину купил, сам ремонтирует, по дому чистоту наводит, даже посуду моет. Разве это нормально, когда мужик с грязной посудой возится?! На что тогда женщины нужны?

14.30 Лицо боли

Лара запихала вещи в сумку, двинулись в путь.

Едва завернули с тропинки на грунтовку, как Волча, услышав шорох в кустах, рванул туда. Тимофей от неожиданности не удержался и рухнул плашмя на дорогу, следуя за поводком.

– Волча, стой! – строго приказала Лара.

Пес одумался, замер.

От упавшего доносилось бормотание: «Мужики не плачут…»

Лара помогла брату подняться. Губы Тимы тряслись, глаза набухли слезами. Лара стряхнула с его ладоней врезавшиеся мелкие камешки и заметила, как по левой коленке медленно течет кровь. Она вынула мокрое после купаний полотенце,

аккуратно зачистила ранку.

– Больно, наверное, – пожалела брата Лара.

– Вовсе нет! Разве чуток. Но мужики не плачут, они смеются в лицо боли.

Тима заулыбался, затем засмеялся и воскликнул:

– А что?! Круто я навернулся!

Лара покачала головой. Компания поплелась дальше.

Кася спотыкалась и норовила осесть на землю, смотрела осоловевшими глазами и едва слышно произносила:

– Устала, спать хочу!

Лара передала сумку Тиме, закинула сестру на спину. Так и везла ее на «лошадке» до самого дома. Разок даже Тимьян согласился помочь Ларе, подменил на пять минут.

Как же хорошо быть одним, без взрослых! Тяжело иногда приходиться, но зато спокойно.

Домой вернулись к трем дня. Тима привязал пса на цепь приговаривая:

– Сегодня никто тебя не побьет, Волча.

Лара занесла уснувшую Касю, положила на кровать и укрыла пледом:

– Спи крепко, Косуля!

15.30 Хук с правой

Времени, чтобы прибраться к приходу мамы, оказалось в обрез. Лара вытряхнула покрывало после пляжа и постелила

его обратно на свою кровать. Она навела порядок во всем доме и тщательно подмела. Осталась разобраться с грязной посудой.

Лара метнулась к воде – пусто. Проверила помойное ведро в ванной – полное.

Братья лежали на койке Тимофея валетом.

– Тимьян, принеси, пожалуйста, воды и помои вылей. Мне посуду нужно помыть, – вежливо попросила Лара.

Брат ухмыльнулся и нагло ответил:

– Тебе надо, ты и неси.

– Мама написала в твой список, – настаивала Лара.

– У меня еще полчаса есть, – вредничал Тима.

– Но я тогда не успею!

– А мне какое дело?! – Снова усмехнулся Тимофей.

– Нас обоих накажут! – Лара пришла в отчаяние.

– Тебе больше влетит. Меня мамка сильнее любит.

Вот нахал! Лара нависла над братом и прокричала:

– Ну-ка, пошел и принес!

– Не собираюсь. И что ты сделаешь?! – последовал дерзкий ответ Тимьяна.

Она схватила Тиму за руку, стащила с кровати и потянула к выходу с детской. Брат отчаянно сопротивлялся, тогда Лара уперлась в его спину двумя ладонями и потолкала. Тима вывернулся и со всей силы стукнул ее рукой по голове.

– Ай, больно! Вот ты как?! – Лара дала сдачи, треснула задиру по плечу.

Завязалась дикая драка. Брат бил ее кулаками, пинал ногами куда попало. Лара закрывалась и старалась ударить в ответ. Они с яростью колотили друг друга: лягались, обзывались, кидались вещами.

Сеня сидел на кровати и, как обычно, поддерживал Тимофея:

– Тимка, давай! Так ей! Хук с правой, сзади заходи.

Ларе неимоверными усилиями удалось выгнать брата в прихожую. Оттуда схватка плавно переместилась на кухню. Красные, потные, они отчаянно мутузили друг друга.

16.00 Тяжело воспитывать

Кухонная дверь распахнулась на всю ширину, громко хлопнув о стену. Лара замерла. В комнату влетела родительница. Частое дыхание, горящие миллионом стальных звезд глаза, трясущиеся от гнева руки.

– Дерутся, свиньи малолетние! Позорят меня перед людьми! Твою ж, крики на всю улицу слышны.

Мать посмотрела на обеденный стол, заставленный грязной посудой: кастрюлей из-под каши, ложками и чашками. Брызнув слюной, заорала:

– Ты почему не помыла, окаянная?

– Тима воды отказался принести, – пожаловалась Лара.

– Ничего я не отказывался, – насуплено произнес Тимофей.

– Неправда, я просила, а он говорил: «Позже».

– Надо было нормально объяснить брату, что времени нет, – настаивала мама.

– Я объяснила, – защищалась Лара.

– Просить нужно культурно, а не пинками требовать, – повысился голос матери.

– Я – культурно, а он дразнил меня в ответ.

– С людьми нужно договариваться, а не ходить звездой, которой все вокруг должны, – мать презрительно усмехнулась.

– Мама, ты меня не слушаешь! Я просила, я умоляла, я объясняла, а он только задирался и говорил, что мне больше влетит. Почему ты всегда ему веришь, а мне – ни разу? – сквозь слезы кричала Лара и заламывала руки.

– Потому что я знаю твою подленькую натуру, вся в бабку пошла. Тьфу! – родительница зло сплюнула.

Ее глаза стреляли металлическими искрами, те попадали прямо в тело Лары и проникали внутрь. Кололо, саднило и резало. Жгучие иголки впивались в мышцы и органы, прорастали там. Корни встречались, переплетались, формируя прочный железный каркас. Захоти Лара вытащить его, а никак. Он навеки с ней, вырвать возможно лишь с кровью, кусками плоти и невиданной болью.

Ты сто раз прав, но тебе не поверят. Потому что мама давно уже решила, кто испорченный, а кто заслуживает доверия. Можно взывать к разуму, справедливости. А толку?

Сильнее разозлишь и получишь болезненнее наказание. Сиди тихо, твое мнение никого не волнует.

– Зачем вы надо мной издеваетесь?! Тима воды не принес, а виновата я? Почему всегда виновата лишь я? – Лара больше не могла сдерживать отчаяние, выкрикивая его вслух.

Брат едва заметно улыбался.

Тучи сошлись над маминой головой, сверкнула молния, ударил гром и разразилась буря.

– Ах, ты истерики осмелилась мне закатывать, пигалица малолетняя. Работаю на нее круглосуточно, кормлю, обслуживаю, а она, свинья неблагодарная, не только посуду не помыла, так еще и кричит на меня.

Мать схватила кипятильник, перегнула шнур пополам и шагнула к Ларе.

– Не доросла мне перечить!

Шнур просвистел и больно ударил Лару по плечу. Она попятилась назад, стараясь увернуться, но родительница прижала ее к стене и схватила за предплечье. Вырваться не удастся! Лара повернулась спиной, инстинктивно прикрыла руками голову.

Черный толстый шнур летал со свистом, бешено впивался в тело Лары.

– Пожалуйста, не надо! – умоляла Лара.

Но взбешенная мать хлестала со всей мощи по спине Лары, изредка попадая по рукам и плечам. Лару сводило от ужаса, она рыдала. А потом перестала чувствовать боль: Ла-

ра вовсе не здесь, а стоит рядом с братьями и смотрит, как наказывают какую-то девочку.

Ты слабая, с тобой позволено плохо обращаться, ты не заслуживаешь ничего хорошего. У тебя есть хозяин, сама ты ничто. Когда выхода нет, то можно отключиться, улететь далеко в своей голове и смотреть извне на происходящее. Мама бьет совсем не тебя, а какую-то похожую девочку, ты просто наблюдаешь со стороны. Вот та девочка кричит от боли, вот умоляет простить. Ты смотришь. Ты уже не ты, ты не принадлежишь себе, ты не владеешь собственным телом. Всегда найдется более сильный, сопротивляться бесполезно.

Мать прекратила хлестать. Лара стояла, не шелохнувшись, оглушенная произошедшим.

– До чего тяжело детей воспитывать, – горестно вздохнув, посетовала родительница, – Столько сил уходит строптивость выколачивать из толстенных лбов.

Мама повесила кипятильник обратно на крючок и ненавидяще бросила Ларе:

– Пошла вон отсюда, чтоб глаза мои тебя бесстыжую не видели.

16.15 Нюхни кулака

Лара пулей выскочила из дома, нацепив на ноги привычные мыльницы, и направилась к дровнику, месту наказания. Она уже не рыдала, хотя слезы еще катились по щекам.

Тебя некому защитить. Если ты протестуешь против несправедливого обращения, тебя ругают, ставят в угол или попросту избивают. И жаловаться бесполезно, нет смысла искать правды, в ней никто не заинтересован. Ты беспомощен и не знаешь, как совладать с этим. У тебя нет прав, с тобой разрешено делать что угодно. Миру все равно до тебя. И ты хочешь сбежать отсюда, а уйти-то некуда, ты никому не нужна: бабушка далеко, отцу дела нет – пьет и гуляет. Другие сильные, ты слабая, а мир жесток и враждебен.

Вот умрет Лара, тогда они пожалеют. Кто будет огород поливать, животных кормить, посуду мыть, дом убирать и с Касей водиться?

Она зашла в дровник. Заднюю часть сарая занимали высоченные поленницы, на передней половине посередине стояла чурка для колки дров, справа у стены разместился в ряд рабочий инструмент: топор, колун, кувалда, лом, гвоздодер, нож-мачете и острая коса. Ее детям строго-настрого запрещалось трогать.

Лара схватила с полки старое покрывало, постелила на чурку и села сверху. Сколько лет она в сараях наказания отбывает? Седьмой год, если считать с шести. Здесь спокойно, никто не лезет, не орет, ничего делать на заставляет. Сиди в одиночестве, истории сочиняй.

Приученный глаз мигом обнаружил две острые щепки. Лара расчистила от мусора землю и принялась рисовать. Первым взошло огромное солнце, под ним побежала дорога,

на ней проявились счастливые мама, папа и маленькая девочка с розовым шариком. Лара точно знала, какого он цвета, ведь столько лет мечтала о нем.

Тимка иногда бывает совершенно противным, специально Лару подставляет, чтобы мать наказала.

***

Брат родился в начале августа, когда Ларе было два с половиной. Через год Тима начал ходить. Мама приучила Лару следовать рядом, за ручку малыша водить и следить, чтоб он никуда не упал.

Тиме мать показывала пальцем на Лару и регулярно повторяла:

– Это няня. Иди к няне. Где няня?

Брат быстро привык обращаться к няне.

Прошел еще год. Двухлетний Тимка вовсю носился по улице, снимет одежду и бегает голышом. Лариной обязанностью назначили находить потерянные вещи.

– Няня, иди во двор, найди Тимины трусы, футболку, носки и сандалии, – командовала родительница, – Без них не возвращайся!

Четырехлетняя Лара бродила по округе, искала потеряшки.

Тогда же в два года братик начал драться – мать научила его в три этапа.

Сперва она объяснила, как угрожать:

– Покажи няне кулак. Вот так.

Малыш копировал грозное выражение лица родительницы, уверенно повторял движение и получал заслуженную похвалу.

– Правильно, молодец!

Мама продолжила учебу.

– На, нюхни кулака! – Она совала руку Ларе под нос, Тима спокойно подражал.

– Теперь скажи: «Чуешь, чем пахнет?» – инструктировала родительница.

Брат подносил к лицу Лары едва сжатую ладошку, с трудом лепетал вопрос.

Первый раз Лара понюхала и ответила:

– Карамелькой.

Ледяные искры посыпались из маминых глаз, сквозь стиснутые зубы вырвалось:

– Дура! Пахнет страхом, болью и кровью. Поняла?

Четырехлетняя Лара кивнула. С мамой следует всегда соглашаться!

Мать на этом тренировку не остановила.

– А теперь ударь няню! Вот так. – Она легонько касалась Лары кулаком.

Брат куксился, нырял головой маме в подол платья, хватался за ее ноги – не хотел он бить любимую няню.

– Мне слабые мальчики не нужны! – Отталкивала родительница Тиму и тянулась к Ларе. – Я тогда няню теперь любить буду, а не тебя. Ее единственную батька обожает, и я

буду. А тебя – нет!

И брат колотил Лару во всю мощь кулачков. Хоть и маленький, а больно.

Папка раз углядел мамины действия и возмутился:

– Ты зачем его учишь сестру бить?

– Я учу его постоять за себя, парень должен уметь защищаться, – не смутившись, ответила мать.

– Он ведь брат, должен защищать ее, а не нападать.

– Что с ней церемониться?! – фыркнула родительница, – Надо же на ком-то тренироваться.

– Людок, прекращай! – гаркнул отец.

– А ты, смотрю, проспался после запоя, рожа крокодилья. Решил меня поучить детей воспитывать!

Батя опустил глаза и вышел боком из комнаты.

В три года брат мутузил Лару вовсю, но мать его не ругала:

– Он малыш, ничего не понимает. – Мило улыбалась она. – Ты старшая, с тебя и спрос.

Малыш рос безнаказанным. Иногда Лара осмеливалась дать сдачи тайком, толстопузый брат бежал к маме и хныкал:

– Няня дерется…

Родительница давала ответные инструкции:

– Только слабые девчонки ноют и жалуются. Ты мужик, ты сильный. Сильные мужики никогда не плачут, они смеются в лицо боли. Сильные дают сдачи, бьют наотмашь. Они хозяева жизни. Понял? Покажи ей, кто главный! Иди и врежь!

Брат подходил, колотил кулаками, а Лара терпела, не ре-

шалась ответить при маме.

Когда Тиме исполнилось четыре, папка снова заметил ситуацию: Тима напал, Лара защитилась, за что и была поставлена в угол.

– Я сам видел, он ее первый ударил, – возмутился отец.

– Хватит защищать свою мерзопакостную дочь! – завопила мать.

– Людок, ты сдурела?! Его следует наказать.

– Не позволю! Пусть парень растет сильным, достаточно нам одной тряпки в семье.

– Я не тряпка, – оскорбился папа.

– Был бы не тряпкой, пить бы со всеми не соглашался, – парировала мама, – Ты хоть кому-нибудь отказал?

Батька опустил взор.

– Вот и молчи, слабак! А я из сына силача воспитаю. По крайней мере, один настоящий мужик в доме будет.

Брат дрался увлеченно, с подлинной страстью и отчаянной яростью. А однажды чуть не убил Аниту, школьную подругу Лары. Шесть годков ему тогда было, Лара как раз первый класс закончила.

Летом стояли втроем на крыльце Лара, Анита и Тима. На перилах позади Лары мирно дремал соседский кот. Тима как возьмет его да на Лару и кинет. Животное от неожиданности страшно испугалось, когти растопырило, по Ларе вниз соскользнуло, оставив глубокие царапины на руках и ногах. Она в ответ стукнула брата кулаком и пошло-поехало…

Дело закончилось тем, что Тима схватил топор и принялся бегать за подружками. Девочки разделились, Лара улизнула от преследования. Стояла, ждала Аниту, когда услышала истошный вопль и стрелой побежала на крик. Брат загнал Аниту в угол дровника и занес над ее головою орудие, готовясь ударить. Волосы Лары встали дыбом. Не раздумывая и секунды, она бросилась к ним, подкралась сзади к брату и выхватила топор у него. Сердце истошно колотилось, руки тряслись, на теле выступила испарина. Страшно!

Мамка о случившемся так и не узнала: брат на себя доносить не стал, Лара тоже остереглась – ей и влетит по самое не хочу. «Нечего доводить было», – ответила бы родительница и наказала Лару. Зачем привлекать внимание?!

***

Никогда Ларе не верили в этом доме. Всё бесполезно, что ни делай, мама слушает брата. Он похож на нее, ее гены, ее гордость. Лара же вылитая баба Аля, отцовская мать, не заслуживает доверия. Лара словно не принадлежит семье.

Чтобы не чувствовать боли, остается отрешиться от ситуации, уйти в нереальный мир грез, тихий и безопасный.

Лара снова склонилась к земле. Рука рисовала без ведома хозяйки: появился контур мордочки, туловище, четыре ноги, рога и короткий хвост. Олень целиком, ее друг. Вокруг растут сосны и ели, тропинка в лесу. Лара умиротворенно улыбалась: она не одинока в этой жизни.

Скоро примчится Тима, Лару всегда зовут обратно.

А если однажды не позовут? Лара замерла. Куда она пойдет, где будет жить? У нее ведь никого нет, бабушка за полстраны, папку не найти. Некуда ей податься…

19.00 Мать отошла

Хотелось пить, есть и в туалет, но Лара не решилась выйти без спроса: сидела, терпела. Она потеряла счет времени, когда наконец прибежал Тимка:

– Всё, Ларк, возвращайся! Мать отошла. – Он взглянул на землю. – Ого, сколько ты тут нарисовала! Красивые олени.

Лара не спеша встала с чурки, домой идти не хотелось.

– Давай быстрей, не зли мать! Что ты ее доводишь? Она ругается – молчи. А ты огрызаешься, вот тебя и бьют. Умнее надо быть, – верещал брат.

Тима не видит, что к ним относятся по-разному, объяснять бесполезно.

– Ты и правда не боишься, когда мама кричит? – удивленно спросила Лара.

– Я мужик. Мужики никогда не боятся, они смеются в лицо страху, – бахвалился брат в ответ.

– Зачем опять подставил меня?

– Подраться немного хотел. Прикольно ведь… Не знал я, что мать раньше придет, – оправдался Тимьян.

Вдвоем забежали в дом. С кухни доносились голоса мамы и Сени. Тимофей направился к ним. Лара юркнула в пустой

зал и оттуда слушала задорный смех братьев, весело болтающих с матерью. Они радовались друг другу. С Ларой мама никогда так просто, по-человечески, не разговаривала. Ларе поплохело: засосало под ложечкой, словно очень голодная и сейчас грохнется в обморок. Хотелось быть с ними, смеяться и шутить, но нет, Лара в компанию не пойдет.

Стоило ей появиться в комнате, как мать весь свой неуемный юмор направляла на Лару и высмеивала ее. Братья гоготали, мама умела шутить. Лару же кололо, жалило, убивало прямо в сердце, и она убегала при первой возможности. А если мать не разрешала, то Лара замирала в отчаяние, отключаясь сознанием от происходящего.

И она перестала присоединяться к семейным посиделкам. Крадучись подходила к двери, незамеченной подслушивала, беззвучно улыбалась шуткам мамы. Хорошо им втроем, в Ларе они не нуждаются, она изгнана из тесного круга друзей. Хотя, чтоб быть изгнанной, нужно быть сначала принятой. А ее даже не допустили. Наверное, с Ларой что-то не в порядке, раз родные не желают с нею общаться.

Лара сидела на кресле, крутила в руках свежую газету со слипшимися страницами. Нет ни чувств, ни ощущений, тела нет, она мертва. Но Лара видит и слышит. Значит, она привидение. Лара провела ладонью по острию листов, чтоб разъединить их, и вскрикнула от неожиданности.

Из пальца сочилась кровь, тонкий разрез пульсировал в такт биению сердца. Вместе с болью возвращалась жизнь.

Сегодня она не умерла.

– Что прячешься, проказливая? Иди сюда! – спустя время громко крикнула родительница.

Лара, неслышно ступая, зашла на кухню. Веселые братья разместились на угловом диване, мать – на табуретке. Поодаль от стола одиноко сидела в низком детском стуле Косуля. Сестра задумчиво ощупывала собственные пальчики. Касю, в отличие от Лары, из общества не выгоняли, но и в расчет не принимали.

Лара приблизилась к полным ведрам и зачерпнула ковшом.

– Что в углу тихаришься? Пытаешься скрыть свои мелочные обидки? Не получится, я вижу! – с ходу напала мать, – Неприятно ей, видите ли. На обиженных воду возят, а на битых – кирпичи.

Тима радостно засмеялся, ему вслед вторил Сеня.

Мама заметила одобрительную реакцию братьев и громко, нараспев повторила, указывая на Лару:

– На обиженных воду возят, а на битых – кирпичи.

Пацаны захохотали пуще и тоже тыкали пальцем. Лара сжалась, опустила голову. Когда уже издевательства закончатся?!

Мама, вдоволь подразнив Лару, выдала разнарядку:

– Отдохнула от работы три часа, тунеядка? Теперь наверстывай! Можешь поужинать сначала, только быстро… затем огород и посуда. О гостях и гулянках даже не заикайся – на-

казана.

Лара судорожно вздохнула и убежала на веранду. Поест потом в одиночестве. Она привычно нацепила мыльницы и направилась к грядкам идеальной геометрической формы.

22.00 Придут и спасут

Красное в белую клетку платье, аккуратно сложенное, висело на спинке кровати. Пальцы привычно прикоснулись к бахроме. Взор скользнул на ковер, сознание переместилось вослед.

Олень Витторио выглядел обеспокоенным. Лара прислушалась: издали доносился грохот дверей и раздраженный материнский голос.

Лара знала, что в этом лесу безопасно, но всё равно до скалы шла крадучись. Открыла дверь и спустилась. Встревоженная троица ждала в прихожей, сидя у личных шкафчиков.

– Няня, почему так громко вверху? – спросили младшие.

– Там опасно, но нам ничего не угрожает. Здесь нас враги не найдут, а друзья скоро придут и спасут, – успокоила их Лара.

– А кто наши друзья? – уточнил Сеня.

– Не знаю. Но кто-нибудь нас обязательно спасет.

Сначала дети поиграли в жмурки в просторной большой комнате с розовыми стенами. Затем поужинали вкусными

ванильными булочками и клубничным компотом с ягодами. Под конец улеглись спокойные по чистым душистым кроватям и закрыли глаза.

Когда же их вызволят из семейного плена?! – мелькнула последняя мысль, и Лара заснула.

Четверг. Острые предметы

08.00 Голову снесу

– Подъем! – громко проорала мать, – Чего разлеживаемся? Кого ждем? Всё вам указывать надо.

Тон голоса не предвещал ничего хорошего – день обещал скандалы.

Мама в привычной последовательности стянула с детей одеяла и завопила-запричитала:

– Да что же это такое?! Всё для вас делаю, сил своих не жалею, а он ночью в туалет встать не изволит. Тюфяк уже портится начал. Где я тебе новый достану? Магазины пустые стоят. На что куплю? Батяня ваш пьет, я одна.

Сеня сел в кровати, опустил голову и крепко зажмурил глаза.

Родительница продолжала:

– Как надоело обслуживать вас. Бегать, умолять, а вы только смеетесь в ответ, бестолочи бесстыжие.

Ларе захотелось исчезнуть, сбежать отсюда, улететь далеко и никогда не возвращаться. Как упорхнул бы орел на рисунке Малого. Понятно теперь, почему братик сказал: «Улечу». Не одна Лара мечтает порой…

Мать повернулась к Ларе, посмотрела, прищурив глаза, и

поджала раздраженно губы.

– Дела знаешь, напоминать не буду. Тюфяк, куры, кролики и воды всем налей. Через полчаса проверю. Не зли меня лучше сегодня, выдеру как сидорову козу.

Лара и не собиралась давать матери повод, бодро вскочила, накинула платье, висевшее на спинке кровати. Волосы убрала в хвост. Застелила постель, тщательно расправила складочки покрывала. Заправлено должно быть идеально, не дай бог расстроить маму – мало не покажется.

Закатав ловко матрац брата в рулон, Лара на веранде накинула мыльницы, выскочила на крыльцо.

Солнце и жара. До чего приятно!

На обратном пути подложила кролям пожухлой травы из мешка и наполнила поильник. Остались куры. Борька привычно ринулся в бой и за время кормления успел-таки долбануть острым клювом по многострадальной лодыжке.

Лара вернулась домой и села на табуретку ждать завтрака.

Мама выставила кастрюлю на стол, поделила густую пшеничную кашу на сектора.

– Ешьте! Сейчас хлеба дам.

Она приступила к нарезке. Пыхтела, громко дышала, скрипела зубами, потом зло закричала:

– Ножи тупые, в стать хозяину. Где этого козла носит? Опять запил. Прибью скотину, как явится! Лично ему голову топором снесу.

09.00 В магазин

Лишь Лара доела, как мама нетерпящим возражений тоном приказала:

– Сейчас бегом в магазин, купишь буханку «Окского», пока не раскупили. Потом с тобой смотаемся за черникой на час. Я сегодня во вторую смену.

Лара наморщила нос. Не хочется никуда идти, она устала от бесконечных обязанностей. Только разве с мамкой поспоришь?!

Схватив полотенце, Лара вышла во двор. Под водопроводом выскоблила землю из-под ногтей, обмыла лицо, тщательно намылила уши и места за ними, там всегда много грязи.

Вернувшись домой, Лара вытащила из шкафа выходное платье, синее с розовой вставкой спереди, и переоделась. Она основательно зачесала волосы назад и крепко завязала белой ленточкой, чтоб вошь случайно не выползла, и стоящий рядом человек не увидел бы Лариного стыда.

В прихожей из обувной полки Лара достала чудесные черные босоножки. В начале лета ее пригласили поработать на школьный приусадебный участок, так как Лара единственная из класса умела ухаживать за растениями. Три недели она бегала с ведрами до местной колонки, носила воду, поливала грядки да пропалывала сорняки. На заработанные день-

ги купила эту пару обуви и красивую куклу Машу для сестренки. Кася сияла от счастья, получив нежданный подарок.

Лара вставила стопы в босоножки. До сих пор слегка большеватые. Оно и хорошо, зато на следующий год хватит. Мама удачно посоветовала на размер больше купить.

Мать приблизилась к Ларе, сунула в руки холщовую сумку, буркнула:

– Кошелек внутри, не потеряй.

Она схватила ладони Лары, тщательно осмотрела ногти.

– Медленно повернись!

Лара выполнила. Мать оттопырила уши, повозила пальцем позади них.

– Проверку прошла, чеши давай!

В магазин как попало не ходят. Следует привести себя в порядок: помыться, заплестись, одеться по парадному. Чтобы маму не опозорить. Чтобы никто из окружающих часом не догадался, что в семье живут плохо, денег нет, батька пьет, а у Лары в волосах паразиты.

09.30 Сорта хлеба

Магазин находился в начале поселка, минут пятнадцать пешком. Дойти туда можно было по Центральному шоссе, асфальтированной дороге с проезжающими изредка машинами, или по параллельному пути: до конца улицы, налево, по тропинке, выход на дальний переулок и пять минут по за-

брошенному парку. Первый маршрут был интересный: много людей, машины изредка проезжают; второй – спокойный: деревья, птички, редкие велосипедисты.

Лара решила вперед по асфальту пойти, а обратно – через парк.

Она быстро дошла до магазина, встала в очередь пятой. Пока ожидала, рассматривала пустые прилавки, облупившийся серый потолок и давно немытые огромные окна. Первых четырех обслужили.

– Мне «Окского», – попросила Лара.

– Сегодня не привезли. Есть только обычный ржаной и «Дарницкий».

Лара замерла. Что же ей делать? Сбегать у матери уточнить – полчаса выйдет, весь хлеб раскупят за это время. Без продукта вернуться домой нельзя, мамка без того из-за загула бати злится. Остается выбрать наугад. Название «Дарницкий» Лара слышала первый раз…

– Тогда ржаного.

Лара расплатилась, положила буханку в холщовую сумку и поспешно зашагала обратно. Нельзя маму заставлять ждать, она занятая.

09.45 Озноб в жару

Домой Лара пошла через парк. Погода выдалась чудесная, жаркая и солнечная. Радостно чирикали птички, дружно ко-

лыхались листья деревьев от легкого теплого ветерка. Душисто пахло растениями и цветами.

Лара вприпрыжку двигалась по широкой вытоптанной тропе, когда в начале пути услышала слева бессвязное бормотание. Посреди травы в двух метрах от тропинки валялся пьяный папа и разговаривал то ли сам с собой, то ли с неведомым собеседником. Штаны его посередине были обмочены.

Лара пошатнулась, казалось, земля закачалась под ней. Быстро оглянулась вокруг – никого. Выдохнула с облегчением. Ее не увидят с напившимся вдрызг отцом. Ох, уже сколько лет Лару дразнят одноклассницы в школе: дочерью пьяницы, алкоголичкой, нищенкой и голодранкой.

Папка лежал на спине и продолжал сюсюкать неведомые слова, Лару он даже не заметил.

Надо бы его по-быстрому доставить домой. Справится ли? Придется! Лара шагнула к родителю и потянулась поднять его, но резко остановилась. Мать ведь грозилась убить отца, обещала утром: «Лично ему голову топором снесу!»

Лара поежилась. Мама явно не шутила, курам вон как лихо верхушки сносит.

Ну нет, разве она может с папой так поступить, людей ведь не убивают. С другой стороны, мать его за человека не считает, козлом и крокодилом называет… да и в ярости она способна на многое. Притащит Лара пьяного папу домой, положит мама его голову на пень как куриную, да и рубанет с

плеча. А батя даже защититься не попытается в таком плачевном состоянии.

Лару морозило, озноб пробегал по спине.

Нет, пусть лучше папка спокойно полежит на траве, в себя придет. Погода сегодня жаркая, ничего не случится. Место тут людное, рано или поздно кто-нибудь его найдет, домой приведет. Мать перед чужими скандал закатывать не станет, нельзя ведь сор выносить из избы. Так батя и выживет. Пожалуй, Ларе не следует рассказывать маме, что папу видала.

Лара отошла от отца и широким шагом побежала домой.

10.00 Божий одуванчик

– Где тебя черти носят?! Прибила бы… Не ребенок, а сплошные проблемы, – добродушно приветствовала мать и полезла в сумку.

– Что это? Ржаной? Я тебя «Окского» просила купить, бестолочь! – возмутилась она, вытащив буханку.

Тима громко загоготал.

– Не было, только ржаной и «Дарницкий» привезли, – объяснила Лара.

– Так взяла бы «Дарницкий», тупорылая. Жри эту сырую кислятину теперь. Спасибо сестре скажите! – обратилась мама к братьям – Тима задиристо улыбнулся.

– Ладно, некогда даже наказать тебя. Одевай спортивки, в лес пойдем, черники пособираем.

Родительница оставила остальных детей дома и закрыла их на замок, велев Тимофею смотреть за Касей.

Лара удалялась от дома и нервничала. Что, если папу приведут, а дом закрыт? Куда его денут? Может, догадаются на крыльце оставить. А вдруг – нет?

Мама бежала, летела, парила над дорогой дикой ланью. Лара едва поспевала вослед. Внезапно мать затормозила и окликнула пожилую соседку, выходящую из калитки впереди по улице:

– Баба Маня, день добрый! Пустые ведра у тебя, что ли?

– Пустые, милая.

– Обожди тогда, мы пройдем. Или беду мне решила накликать? – грозно спросила мама.

– Что ты, Людмила?! Идите с Богом. Постою я, спешки нет. – Старушка поправила белый платок на голове.

– Хорошо тебе, а я как савраска проклятая ношусь деньденьской, – пожаловалась мимоходом мать.

– Так у тебя и детей скок? – поддержала ее баба Маня, – А я со взрослым сыном живу.

– И то правда!

– Я своих-то ужо отвоспитывала. Четверо вон по городам разъехались, семьи основали, работают. Последнего вот никак пристроить в руки надежные не получается. Уж каких невест ему сватали, а он не хочет от матери уходить.

– Что сам сын-то, Степаныч, думает? – поинтересовалась мама.

– Ничего он не думает. Пьет окаянный и вещи из дому тащит. Давеча кастрюля новую эмалированную на шесть литров унес, я ее для варений берегла. – Грустно вздохнула баба Маня.

– Руки бы им поотрубать за дела такие, – гневно выпалила мать, – Вместе с моим в прошлую пятницу телевизор пропили.

– Ох, устала я от проделок сына. – Покачала головой мамина собеседница. – Мечтаю, скорее бы в могилу лечь, отдохнуть на том свете.

Мама потерла подбородок и, прищурившись, спросила:

– Много ли самогона Степаныч нагнал последний раз?

– Много, милая, – печально вздохнув, ответила старушка, – Вчерась цельный день бражку перегонял.

– Что же вы ему позволяете? – укоризненно вопросила мама.

– Не могу я его обидеть, дитя ведь мое. Ежели запрещу, в другом месте будут варить, – оправдалась баба Маня.

– Сколько лет сыну-то набежало?

– Так тридцать ужо.

– Всего на три года младше нас с Витькой, – удивилась мать, – А у меня четверо по лавкам…

– То-то и оно, Людочка. Тридцатник, а жениться не желает, бабку внуками порадовать, – посетовала старушка.

– У тебя ведь городских полно? – с подозрением в голосе произнесла мать.

– Далече они. Привезут на недельку, я едва имя запомню, и увезут.

– Ладно, баба Маня, время не терпит, побежали мы. Здоровья вам! – пожелала мама.

– Пока, милочки.

– Подумай всё-таки Степанычу запретить гнать самогон, – призвала мать.

– Каждый день о том думаю, родная, – не смутившись, ответила старушка.

Родительница снова погнала как на пожар. Когда прошли следующий по улице дом и удалились на достаточное расстояние от бабы Мани, мама остановилась и грозно произнесла:

– Карга старая, развела притон. Продает самогон из-под полы и богатеет. Мужики спиваются, семьи рушатся, а ей и дела нет. Со стороны поглядишь – божий одуванчик, а внутри дьявол сидит. Чтоб они там напились да прирезали бабку по пьянке, хоть грех перестанет разводить да сыну жизнь портить.

11.00 Ворон считала

До лесочка домчались за пять минут. Мама выдала Ларе трехлитровый эмалированный бидон.

– От двухствольной сосны далеко не уходи, держи ее в поле зрения. Собирай тут. Я тебя через час найду, – велела мама и юркнула за пригорок.

Лара спокойно обирала кусты, основательно, стараясь не пропускать ни чернички. Она любила ягодничать. Тишина, никто не кричит, за руки не хватает. Можно гулять по лесу, наслаждаться одиночеством и приторно-сладким запахом багульника.

Иногда проносилась тревожная мысль: как папка, не случилось ли чего? Лара замирала, выдыхала, хваталась за новый куст.

Время пролетело быстро. Мать появилась внезапно, Лара аж вздрогнула от неожиданности. В руках родительница держала полную до краев трехлитровую стеклянную банку черники.

– Покажи, сколько у тебя? – Мама заглянула внутрь бидончика.

– Лишь половина?! – удивилась она, – Чем ты занималась?! Ворон считала?

– Они тут не летали, – отрапортовала Лара.

– Дубина стоеросовая! Ворон считать, значить, отвлекаться.

– Я всё время ягоды собирала, никуда не отвлекалась, – уверила маму Лара.

– До чего медлительная… – Осуждающе покачала головой мать. – Ладно, побежали домой. Мож, батька ваш соизволил вернуться.

Мама сорвалась с места. Лара, задыхаясь, неслась за ней. Дома ли папка, вдруг с ним беда случилась? Зачем она толь-

ко оставила батю одного?!

11.30 Молочные огурчики

Через десять минут после возвращения с леса на веранде раздался грохот, в дверь сильно постучали.

– Открыто. Заходите! – пригласила мать.

Два неизвестных Ларе огромных мужчины ввалились в прихожую, крепко держа под руки пьяного в стельку отца. Глаза родителя были прикрыты, изо рта стекала слюна – папка явно не понимал, где находится. Брюки между ног высохли, так что ничто не выдавало позора.

– Хозяйка, твой? Принимай! – громогласно сказал первый мужик.

Отличить гостей друг от друга было сложно: оба одеты в белые футболки, черные спортивные штаны и кеды; головы лысые. Спортсмены, что ли?

– Да он лыка не вяжет! – возмутилась мать и грозно спросила, – С вами пил?

– Совесть имей! – рявкнул второй, – Мы тебе мужа привели, где спасибо?

Мама резко поменялась в лице: заулыбалась, глазки радостью воссияли.

– Ой, и правда, – спохватилась она, – Спасибо вам большое! Нервы просто шалят от пьянок его… Далеко ли тащили?

– В парке нашли, в траве спал. Местных спросили, где живет – сюда указали.

Мужики отвели отца в зал, уложили на диван и вернулись в прихожую.

– Что же он у тебя без меры за воротник закладывает? – строго спросил один из них, – Ты его, чай, доводишь?

– Да что вы такое говорите?! – жалобно пролепетала мама и запричитала, – Я одна вон четверых детей на себе везу…

– Ладно, погорячился я, – извинился спросивший и похлопал мать по плечу, – В голову не бери.

– Ну, прощайте! – произнес другой, и мужчины направились к выходу.

– Не знаю, как вас и благодарить, – засуетилась мама, – Давайте, чаем напою, как раз свежий заварила.

– Не надо, хозяйка, мы спешим.

– Не могу я вас так отпустить, без благодарности. Вон какое благое дело сделали – мужа в семью воротили.

Незнакомцы хохотнули, хмурость спала с их лиц.

– Давайте, я вам цветочков сорву… – продолжила хлопотать мама – мужики скривились в лицах, и мать догадалась, – Не хотите.

Глаза родительницы забегали по сторонам – соображает, чего бы всучить.

– А может, я вам огурчиков соберу? С собственного огорода. Вкусные, маленькие, хрустящие. Корнишоны почти. Тают во рту, – соблазняла незнакомцев мать, – В магазине

таких не купишь и даже на рынке не отыщешь. Я семена по каталогу из питомника выписываю.

Гости замешкались, заулыбались, слюну сглатывать начали.

Мать быстро схватила два целлофановых пакета и позвала:

– Пойдемте.

Мужчины сдались и послушно последовали за ней.

Стоило хлопнуть двери на веранде, как из зала донесся слабый хрип:

– Ириска, воды…

Ух ты, папка знает, что дома!

Лара принесла полный ковш, подняла голову отца, поднесла воду. Он глотал жадно, выпил до дна. Не открывая глаз, батя лег обратно и отрубился. Его затрясло во сне. Лара сняла накидки с кресел и бережно укрыла родителя. Когда ты придешь в себя?

Сердце наконец-то успокоилось: папка жив и голова его на месте.

В окно виднелись три фигуры у парника: мать рвала овощи, мужики наблюдали. Родительница распрямилась, и компания переместилась к водопроводу. Мама набрала воды в пакеты с огурцами, потрясла, слила и раздала незнакомцам.

Сейчас уйдут, – ждала Лара. Но троица снова направилась в огород. Мать водила заблудших странников по заветным местам и вещала про морковку, кинзу и смородину. Незна-

комцы закидывали в рот огурцы, беззаботно жевали и кивали маминым изречениям.

Экскурсия завершилась, нежданные гости вышли в калитку.

– Пока, Людмила! Береги себя, – громко попрощались мужики и удалились.

Мать вернулась домой, гневно бросила:

– Спит козел?

Лара кивнула.

– Из-за него два… – мама задохнулась, – целых два килограмма молочных огурчиков пришлось отдать. А я их растила, старалась.

Родительница скривилась, почти заплакала.

Зачем мать предложила им подарок, если вовсе не желала?

– Они же не просили, – прошептала Лара.

Мать взглянула с прищуром.

– Они отца принесли – за нами должок. И неизвестно, чего попросят, когда время придет. Вон какие здоровенные агрессивные лбы. Не успели зайти, сразу кричать принялись, обвинять. С такими ухо востро нужно держать, – объяснила она.

– Мама, а кто эти мужчины?

– А я почем знаю?! Приезжие вроде. Попутным ветром к нам занесло…

12.00 Радость и страх

Мама переоделась в красивое голубое платье и разместилась у трюмо. Она тщательно причесалась, любуясь собой в зеркало. Затем нацепила серьги с фиолетовыми камнями, накрасила губы красной помадой и отправилась на работу.

Лара и Кася вышли во двор, братьев нашли у сарая, те продолжали ремонтировать велосипед.

– Кто это был? – поинтересовались мальчишки.

– Батьку принесли. Не местные они, – объяснила Лара.

– Тогда ладно, – успокоенно произнес Тима и хмыкнул, – Что, мать загнала их огород посмотреть?

Лара кивнула и предложила:

– Давайте в жмурки играть!

Братья с радостью согласились.

Пока дети бегали во дворе, на улице собралась толпа ребят с окрестных домов. Ивановы завершили свою игру и присоединились к другим.

Начали веселье с пряток на скале за домом номер два. Пока ведущий считает, дети разбегутся, спрячутся за кусты, пригорки, толстые сосны, залягут в канавки. Когда водящий идет искать, остальные тихо крадутся с разных сторон к заветному дереву, добегают и оглушительно орут: «Туки-туки за себя!» Первый пойманный водит следующий круг.

После пряток перешли на длинную затею, казаки-разбой-

ники. Разбились на две команды, Лара с Касей оказались разбойниками, братья – казаками. Долго носились по окрестностям, прячась от догоняющих. Первый заход закончился победой казаков. До чего приятно жить на свете! Бегать по лесам, визжать во всё горло, радоваться удачной игре, смеяться вместе с друзьями.

Наступил, однако, момент, когда Косуля начала клевать носом и смотреть осоловевшими глазами, потом растянулась на земле.

– Кася хочет спатки? – спросила Лара наклонившись.

Сестра кивнула, ерзая головой по земле. Ох, если бы мать увидела, как плохо Лара следит за малышкой, обязанности свои не выполняет… то сильно бы отходила шнуром от кипятильника.

Лара посадила Косулю на «коняшку», собственную спину, и увезла домой. Братья остались играть.

Будильник показал третий час.

Лара умыла сестру, уложила в постель и только собралась уходить, как Кася неожиданно заплакала.

– Я боюсь…

– Чего? – удивилась Лара.

– Баба-ягу.

– Откуда ей здесь взяться, Косуль?

– Она из-под кровати вылезает и кушает маленьких детей, если они не спят, – прерываясь на всхлипывания, поведала побелевшая лицом Кася.

– Кто тебе такое сказал?

– Мама.

Лара прилегла рядом и обняла наивную сестру. Баба-яга только в сказках бывает.

16.30 Лязг металла

Проснулась Лара от жалобного охрипшего голоса:

– Воды… Ириска… кто-нибудь.

Она вскочила, прошла на кухню. Будильник показал пол-пятого. Ого, проспала два часа! Хорошо, что никто не видел, маме не расскажет…

Лара зачерпнула полный ковш, отнесла папе в зал. Отец выдул воду до дна, пол-литра за раз, отвернулся к спинке дивана и громко захрапел. Лара прошла на кухню и принялась за посуду.

К шести заспанный помятый отец появился из зала, покопался в бельевом шкафу и вышел из дома, не сказав ни слова. Лара прильнула к оконному стеклу: неужели опять уйдет пить?!

Папка набрал ведро холодной воды из уличного водопровода и зашагал в баню. Через десять минут появился вновь в чистой одежде: белой майке и растянутых на коленях черных кальсонах. Рабочие спецовку и брюки отец постирал, повесил сушиться.

Вернувшись домой, он порылся в продуктовом столе, от-

резал большой шмат хлеба, посыпал сахаром и скушал, звучно запивая чаем.

Лара присела на угловой диван и попросила:

– Папа, а ты можешь ножи наточить? Мне хлеб резать трудно.

– Конечно, в чем проблема?! Чай лишь допью. Ты пока наждак притащи да железо приготовь.

Лара собрала по дому все известные ей ножи, даже принесла из сарая мачете и топор. А то мама ругалась, что они шибко тупые.

Отец шумел и пыхтел. Наждак со скрежетом летал по металлу, затем металл скользил по наждаку, несколько раз искры мелькнули. От чудовищного лязга сводило зубы, давило на перепонки, но Лара терпела – папу надо спасать.

У входа на кухню показалась растрепанная Кася. Лара посадила ее рядом с собой и обняла. Так и сидели, наблюдая за ловкой работой отца.

– Готово! – с воодушевлением сообщил батя, – Давно я не резвился. Смотри, как новенькие блестят. Пользуй аккуратно, не порежься.

– Спасибо, папа! – поблагодарила Лара и выдохнула.

День удался: и голову отцу не отрубили, и ножи острые теперь. Значит, мама не отрежет ему яйца. Батя спасен окончательно. Глядишь, помирятся.

Лара разложила заточенные предметы по местам.

Отец притащил два ведра воды, вынес помои, почистил

клетки кроликам и накосил им травы. Вернувшись домой, он снова удалился в зал. Послышался скрип дивана.

Лара подмела всю квартиру, подкопала и начисто вымыла шесть картошин, как просила мама.

Кася это время мирно сидела за кухонным столом, играя куклой. Она переодевала игрушку в разные одежды, сшитые Ларой: юбочки, маечки, платья, шапочки и шарфы.

20.00 Крокодила позови

Мать вернулась с работы в начале девятого. Внимательно осмотрела пол без мусора, помытую посуду, чистые столы, полные воды ведра и пустую помойную емкость.

– Что за праздник сегодня такой? Не пойму, – похвалила она семью.

Мама вытащила из холодильника кастрюлю с заранее отваренной курицей в бульоне и поставила на плиту разогреваться. Она схватила из миски очищенную картошину и приступила к нарезке.

– Ух ты, нож острый! – озадаченно-удивленно воскликнула родительница, – Кто точил?

– Папа, – громко ответила Кася.

– Вот гад! Хоть бы предупредил, чуть не порезалась из-за него. Ни за что не поверю, что сам додумался, дебила кусок. – Мама схватила следующую картошину. – Ну да ладно, вдруг за ум взялся, с водкой решил завязать…

Она мечтательно улыбнулась. Лара молчала.

Через полчаса куриный суп с вермишелью был готов. Парни вернулись с улицы, заняли привычные места на диванчике. Касю пересадили в детский стульчик.

Разливая еду по тарелкам, мать скомандовала Ларе:

– Позови крокодила есть. Заперся он там, прячется от нас!

Тима и Сеня весело расхохотались, повторяя непрерывно: «Крокодил». Лара тоже улыбнулась: иногда мама смешно говорит. Так хотелось быть похожей на нее, уверенной, умеющей пошутить и развеселить окружающих.

Лара постучала, зашла в зал и радостно сообщила:

– Крокодил, иди есть.

Валяющийся на диване отец приподнял голову и обиженно произнес:

– Зачем ты меня оскорбляешь?

– Так мама велела позвать, – оправдалась Лара, ощущая, как слабеет тело и звук ее голоса.

– Думаешь, мне приятно от дочери подобную издевку слышать, – продолжал отец.

Лара замерла и замолчала.

– Мать твоя тут хозяйка, а ты на положении бедного родственника, без прав. Она что угодно пущай говорит, а ты сначала вырасти, деньги на себя заработай, потом обзываться будешь.

Лара похолодела. Совсем не думала обидеть папу, а лишь хотела быть похожей на сильную уверенную юморную ма-

му. Ларе следует извиниться. Она попыталась, но не смогла произнести и слова: челюсти свело от напряжения, в горле застрял комок. Какая же Лара неудачница, всё неправильно делает!

Батька пошарил рукой под подушкой, вытащил деньги и мелкие бумажки. Вдвоем пошли на кухню и сели за стол. Папа положил перед матерью купюры и два талона на продукты: сахар и крупа.

– Вот, халтурил на днях, всё домой принес, – пробормотал он.

Мамины глаза расширились; звездочки, переливаясь серебром, словно снег в солнечном свете, закружили лихой хоровод.

– Ладно подлизываться… – едва сдерживая улыбку, промолвила мама и тотчас спохватилась, посерьезнела, – Давайте-ка есть!

Застучала посуда у братьев, Лара тоже загребла полную ложку. Как же она проголодалась! Суп наполнял желудок, от сытости по телу разливалась радость и расслабленность. До чего аппетитно мама готовит!

Кусок синюшной курицы Лара оставила напоследок. Присмотрелась – часть голени. Жесткий, так просто не сдастся. Лара положила мясо в рот. Вкусно, но твердо. Кура жевалась с трудом, дети переглядывались и втихую от матери посмеивались.

Когда доели, папа протянул руки в сторону мамы и пе-

чально спросил:

– Людок, ты не знаешь, отчего у меня вены так сильно выступают?

– Пить надо меньше, – ответила мать и кокетливо улыбнулась.

– А у тебя – нет. Покажи-ка! – Отец аккуратно взял материнскую ладонь.

Хоть бы они помирились, папа пить завязал, мама спокойнее стала. У них получилась бы дружная счастливая семья, совсем как у Марины.

Тимка встал из-за стола, привычно поблагодарил:

– Спасибо, было очень вкусно!

Родительница окинула взглядом пустые тарелки.

– Черт вас подери, засранцы! Забегалась, снова забыла приправ в суп положить. И хоть бы кто напомнил… – сокрушалась довольная мама. – Ладно, сегодня я добрая, но завтра держитесь, двойную порцию кинзы получите.

21.00 Хитрая и упрямая

Лара поблагодарила за еду, вышла из-за стола и направилась к выходу из кухни.

– Подожди. Я сегодня не могу тебя вычесать, занята. – Мама бросила взгляд на отца, тот одобрительно кивнул. – Поэтому сама. Возьмешь гребень, газету… иди в зал и закройся, чтоб никто не мешал.

Лара достала из личного ящика в трюмо расчески, забрала из прихожей старую прессу, принесла подушку под колени. Она приготовила место и наклонилась. Волосы свисали, едва касаясь газеты. Но стоило Ларе занести руку с гребнем, как голова опускалась ниже и грива ложилась на бумагу. Отчаявшись справиться с волосами, Лара пошла на кухню.

Родители весело болтали. Батя сидел, поставив ногу ступней на диван, мама мыла посуду. Увидев Лару, родительница раздраженно рыкнула:

– Чего тебе?

– У меня не получается, волосы ложатся на пол, – пожаловалась Лара.

– Ой, тупица, возьми вторую подушку.

– Где?

– У брата, у меня… да где хочешь! Не отвлекай, видишь, занята, – раздражалась мать.

Лара принесла в зал дополнительно две подушки. Постелила на уже лежащую вторую – волосы опять на полу. Кинула третью – грива всё равно на газете, а Лару шатает по сторонам, движение – рухнет вниз.

Вздохнув, Лара направилась на кухню. Сейчас ее отругают, но, если не вычешет, тоже влетит. Выхода нет. Чтобы ты не делал, будет плохо. Нужно заранее смириться с неизбежной участью: ничего хорошего тебя не ждет.

Мать от досады швырнула о стол тряпку для мытья посуды и крикнула, метая металлические болючие искры:

– Пошли, покажешь! Не дай бог, врешь!

Лара продемонстрировала позиции – родительница призадумалась.

– Мама, давай волосы подстрижем! – с надеждой предложила Лара.

Очевидно ведь, что пора!

– Ни за что! – упрямилась мать.

– Может, хотя бы укоротим на десять сантиметров, типа кончики подровняли. Никто разницы не увидит, а волосы перестанут путаться на концах и задевать газеты. Я ведь хвост постоянно делаю, незаметно будет, – убеждала Лара, приводя всевозможные доводы.

– Какой же ты отвратительный ребенок! Хитрая и упрямая. Пока своего не добьется, не успокоится. Ладно, наклоняйся, измерю, сколько отрезать.

Хлопнула входная дверь. Сердце Лары екнуло. Папка ушел? Куда? Покурить или к друзьям водки выпить?

Лара села на табуретку, выпрямила спину. Мама отмерила ровно пятнадцать сантиметров, схватила ножницы, раскрыла их и попыталась свести – кожа головы Лары натянулась нещадно.

– Тупые! – заорала родительница, – Этими ножницами да яйца бы козлу отрезать!

Ну почему Лара забыла ножницы папе на заточку отдать?! Какая же она рассеянная! Из-за нее теперь мать отцом недовольна. Надо будет снова его попросить наждак в руки взять,

когда мама на работу уйдет.

Родительница, возмущаясь, с трудом укоротила волосы.

– Свободна! Не забудь убрать лохмы с пола и вычешись, как полагается.

Мать удалилась, а Лара в тревоге побежала к окну. Батя сидел на скамеечке, втягивая папироску и покачивая дырявым тапком. Не ушел!

22.30 Все будет хорошо

В постель легли позднее, чем обычно. Мама громко негодовала, что Лара всех задержала уходом за волосами.

Платье ровно висело на спинке кровати, рука ощущала упругую бахрому. Взгляд скользнул наверх, на мощного взрослого оленя. Лара стоит уже рядом с ним.

– Привет, Витторио! – Друг радостно потерся мордочкой с влажным носом.

Они неспешно двинулись вглубь леса по привычной тропинке. Вдоль ее краев росли бесчисленные кустики спелой черники. Нагие ноги ступали с наслаждением по мягкой почве. Солнце ярким пятном заходило за скалу, пахло багульником и сосновой смолой.

Издали слышались задорные крики детей. Здесь безопасно, пусть играют на здоровье!

От компании отделились и прибежали братья.

– Мы с тобой пойдем!

Спустя время к ним присоединились Мила и Каспер. На спине олененка приехала смеющаяся Косуля.

Огромной толпой двинулись дальше и наткнулись на спящего посреди тропинке отца.

– Батька, проснись! – Тима потряс папу за плечо.

Тот открыл глаза, бодро вскочил. Совсем трезвый!

– Устал да задремал чего-то! – оправдался родитель.

Жужжащей от голосов компанией направились к скале, болтая и веселясь.

Всё будет хорошо! – тверда знала Лара. В ее мире, единственном месте, где она на что-то влияет, все будет хорошо.

Пятница. Вне семьи

09.00 Червяк не еда

Ранним утром Лара проснулась от активной тряски за плечо. Мама наклонилась и прошептала:

– Мы с батькой на работу пошли, в первую смену сегодня. Каша на столе, списки с делами там же. Придем после трех – чтоб всё успели сделать. Можете подольше поспать.

Выслушав, Лара мгновенно сомкнула веки. Очнулась от тихого голоса Косули:

– Няня, проснись, все встали.

Лара огляделась: кровати парней пустые. Она побежала в кухню и взглянула на будильник: девять утра. Как же долго сегодня спала!

Лара привела себя и Касю в порядок, усадила сестру кушать. Сама вынесла матрац и отправилась кормить животных.

Парни шныряли по участку с жестяной, из-под консервированной сельди-иваси, банкой в руках, искали червей. Они поднимали разные доски, вёдра, куски материалов и основательно ворошили почву в поисках будущей наживки. Каждую пятницу в теплое время года братья уезжали с отцом рыбачить на двое суток.

Пацаны приблизились к владениям Волчи. Лара присела на скамейку, сейчас начнется представление.

Пес мгновенно выскочил из будки и, слегка оскалившись, кинулся к кормушке. Ткнув носом в пустое дно кастрюли, он отошел в сторону и достойно прилег на траву. На его еду никто не покушается, можно успокоиться.

Мальчишки ухватились за углы собачьей будки и отодвинули ее. Волча, показав в оскале клыки, ринулся к открывшейся поверхности, поводил основательно носом и отошел, но стоял поблизости. Еды не было, но вдруг он случайно пропустил.

Тима поднял жирного дождевого червяка. Волча рванул к добыче, тщательно обнюхал ее, разочарованно отвернулся и снова залег. Брат сунул извивающегося червя в жестянку и, недолго покопавшись, отрыл следующего. Пес стрелой настиг добычу, принюхался, лизнул и понуро поплелся обратно.

– Волча, какой же ты дурачок! Мы червей копаем под тобой третий год, а ты нам так и не веришь. Не съедим мы твои харчи. – Рассмеялся задорно Тимьян.

Вытащив еще трех отборных особей, мальчишки задвинули будку на место. Волча залез внутрь и смотрел наружу тоскливым взором – покушать не удалось.

10.00 На Болотное

Лара вернулась домой. Сестра кашу доела, сидела на полу в кухне и гладила Рыжика.

– Кто его запустил?

– Ни наю, – бесхитростно ответила Кася.

Лара вынесла усатого на улицу, аккуратно держа за шкирку. Вернулась и открыла скороварку. Последний оставшийся сектор каши был основательно покоцан с обеих сторон. Вот и спи подольше, сразу обделят.

Покушав, Лара изучила списки дел. Животных она накормила, осталось посуду к приходу матери помыть. Братья и воды принесут, и с помоями разберутся, на рыбалку-то хочется. Сегодня можно не волноваться.

Всего десять утра. Они свободны на четыре часа.

Вместе с Касей вышли на улицу. По пути Лара отшвырнула ногою рвущегося домой кота.

Братья сидели на скамейке, разглядывали пса.

– Пойдемте купаться на Прозрачное, – предложила Лара, – Волчу возьмем.

– Нужно нам больно в вашей луже плескаться! – Тимка скроил презрительное выражение лица. – Мы вечером на настоящее большое озеро поедем. На Болотное. Волчу не трогайте, он с нами.

Везучие парни! Будут отдыхать и купаться целых два дня

на огромном красивом водоеме. И делать ничего не надо…

10.30 Спелая земляника

Лара положила в холщовую сумку полотенце, сменную одежду для сестры и завернутые в газету два куска хлеба. Вместе с Касей двинулись в путь.

Шли медленно, разглядывая камешки и муравьев на дороге, листики и цветочки на растениях, облака и птиц в небесах. Малышку интересовало всё.

– Няня, спой! – попросила Косуля.

– Какую хочешь?

– Про улыбку! – громко воскликнула сестренка.

Лара затянула песню, Кася с восторгом подпевала. Закончили одну – перешли на другую. Путь вперед показался быстрым.

У озера они скинули верхнюю одежду, долго плескались и плавали: Лара – сама, Кася – на Лариной спине. Вода стала еще теплее, чем была пару дней назад. Купание завершили только, когда Касю с синюшными губами затрясло крупной дрожью.

Лара вытерла Косулю, переодела в сухое, поставила греться ближе к огню. Сама оторвала две длинные ветки ивы, насадила хлеб, разместила над верхним пламенем костра.

Когда кусочки почернели, Лара сняла их. Вдвоем с Касей сели на полотенце, медленно скушали вкусняшку, хру-

стящий хлеб с запахом дыма.

– Пойдем обратно? – спросила Лара.

Косуля кивнула.

– Хочешь земляничку поискать?

– Да! – неожиданно громко ответила сестра, раскрыв широко глаза в предвкушении.

Лара собрала вещи, взяла сестру за руку и повела прямо в лес. Много раз Лара здесь бродила, потому не боялась потеряться.

Поляна оказалась нетронутой. Давненько сюда никто не ходил! Ягоды висели огромные, налитые соком. Лара объяснила Касе: «Кушают только красные», – и показала, как срывать. Косуля неплохо справлялась. Сядет смешно под кустик, головку вбок наклонит – выглядывает ягодку. Сорвет, в рот аккуратно положит, жует и смачно чмокает.

А вот Тима маленьким не справлялся. Сколько ему тогда было? Три года, Ларе – пять с половиной. Однажды мама повела их в лес. Пришли на огромную поляну. Мать выдала детям по металлической кружке и объяснила, что красную землянику следует брать.

Лара находит ягоды и срывает. Братик садится в присядку, пытается отыскать, а не получается.

– У меня нет! – жалобно сообщает он и начинает кукситься.

Мать подлетает и проверяет кустик.

– Да как нет?! – возмущается она, – Вот эта… и та… еще

три… Ленивый мальчик, рви давай!

Тима срывает, кладет в кружку. Мать убегает подальше.

Брат направляется к следующему растению – снова нет красных. Слезинки катятся по пухлым щекам. Так жалко, беднягу! Найти не справляется и маму боится позвать – та кричать будет.

Лара подходит к Тимофею и показывает каждую спелую ягодку – малыш собирает.

Скоро и мать воротилась, держа полную литровую банку земляники. Увидела, как мало Лара набрала, наморщилась хмуро. А Тимка, поди, и не помнит этого случая…

Обратно сестры шли долго, на середине пути Касю одолела сонливость. Она растянулась на грунтовке и прошептала:

– Боше не могу…

До чего Косуля милая и смешная! Лара улыбнулась и предложила:

– Ладно, полезай на «лошадку».

Пару раз за дорогу Лара сильно уставала, снимала Касю. Та проходила две минуты ногами, снова опускалась на землю в изнеможении.

– Устала…

Кое-как доплелись домой. Лара уложила сестру на кровать, Кася сразу закрыла глаза, раскинула руки по сторонам и шумно засопела. Даже не надо рядом находиться, чтоб Косуля не боялась!

Лара развесила мокрые после купания белье и полотенце

на веревке. Братья дружно сидели на скамейке, наматывая леску. Перед ними на земле лежали удочки и жестяная банка с червями. Готовятся на рыбалку.

Лара прошла в дом. Так и есть: емкости с водой наполнены до краев, ведро для отходов пустое. Что же, Лара выполнит свою часть. Она прибралась и помыла грязную посуду.

15.30 Вместе

Родители вернулись с работы вдвоем. Мама обняла Сеню и Тиму, мотнула головой Ларе на сумки – черные волосы взлетели и опустились. Лара, не мешкая, схватила котомки, но задержалась, услышала папин голос. Тот спросил у братьев:

– Как день прошел?

– Хорошо! – дружно ответили парни.

– Наживку добыли?

– А то! Секунду!

Тима открыл дверь, юркнул в нее и появился вновь, держа в руках жестяную банку. Он приподнял крышку. В темной земле передвигалась кишащая масса.

– Смотри, батя! Черви отборные, качество проверено Волчей. Он лично каждого обнюхал, часть даже облизал. Не верит нам, что они несъедобные для собак. – Загоготал Тимка.

Папа рассмеялся в ответ и похвалил:

– Молодцы, много накопали! На два раза с лихвой хватит. Можем со Степанычем поделиться.

Отец переоделся и ушел на улицу готовить снасти, а мама отправила Лару подкопать тазик молодого картофеля.

17.00 Сахар помешай

Семьей спокойно отужинали, дружно поглощая из общей сковороды жаренную, с хрустящей подгорелой корочкой, картошку. Брали по очереди, не спеша, но и не задерживая других. Так мама приучила, справедливо получается, и посуда чистая не расходуется.

Кася единственная кушала отдельно, восседая в детском стульчике. Она днем долго спала, даже приход родителей пропустила. Утомилась малая от прогулки, купания и земляники!

Мать с отцом быстро опрокинули по чашке чаю и удалились. Мама крикнула напоследок Ларе:

– Не забудь стол убрать, как все поедят. И посуду помой.

Первым вышел Сеня, затем Кася попросила вынуть ее из стула. Лара и сама уже чай попила, а Тима никак не приступал к чаепитию.

– Давай быстрее, мне убирать надо, – подогнала его Лара.

Брат нагло ухмыльнулся и намеренно протяжно промолвил:

– Я тебе не мешаю.

Лара очистила стол, осталась стоять лишь Тимкина кружка. Брат неспешно взял сахарницу, также медленно положил две чайных ложки сахара в чай.

– Тимьян, чего тянешь?! Мне со стола нужно вытереть и посуду начать мыть.

– Так мой! Я тебя не держу, – с вызовом ответил брат и нахально ухмыльнулся.

– Я чашки сначала мою, а твоя занята. Придется ждать, – посетовала Лара.

Тимофей поднялся.

– Что-то приспичило, пойду до туалета прогуляюсь. Ты пока сахар мне в кружке помешай. Всё равно без дела простаиваешь, – сообщил он и удалился вразвалочку на улицу.

Лара вскочила с дивана, схватила ложку и застыла. Вот гад, специально тянет, чтобы подставить! Мама придет, увидит, что ничего не сделано, снова Ларе влетит.

На глаза попалась пачка каменной соли. Лара ее взяла, наскребла с трудом половину чайной ложки и сыпанула в чашку наглого брата. Хочешь, чтоб сестра сахарок помешала?! Пожалуйста!

Она сидела и ждала, а Тимка никак не приходил. Гнев схлынул, жалко стало нахала. Незачем ему подобную гадость пить. Лара взяла кружку и собралась вылить чай в помойное ведро, как в кухню ворвалась мать.

– Чего не убрала? – с порога гневно напала она.

– Тима еще чаю не выпил, попросил сахар размешать.

– Где он? – голос матери дребезжал от ярости.

– В туалет вышел.

Хлопнула входная дверь, брат прошагал на кухню. Мама рявкнула на него:

– Ты чего ждешь? Быстро пей чай!

Лара протянула кружку – Тима схватил. Он пил, глаза его медленно округлялись. Лара ехидно улыбнулась.

Брат допил, поставил посуду на стол и показал кулак украдкой от матери. Лара в ответ состряпала рожицу «так тебе и надо».

– Что же вы словно кошка с собакой живете?! – громко упрекнула родительница, – Всё у них есть, а они как моральные уроды!

Лара и Тима замерли. Как мама умудряется их дразнилки углядеть?!

18.00 Взаимная ненависть

Домыв посуду, Лара пошла поливать огород. Первым полагается позаботиться о парнике. Она схватила железную лейку за носик, окунула в бочку. Лишь пробулькали пузыри, достала емкость: полная.

Лара направлялась к парнику, когда заметила гуляющих по Центральному шоссе одноклассниц. Всего через дом… Вдруг увидят Лару?! Высмеют, что батрачит как рабыня на плантации и одета под стать. Лара пригнулась и спряталась

за парник, тайно выглядывая из-за краев.

В окне большой комнаты раздался громкий стук. Тима привлек внимание Лары и принялся дразнить. Он показал на группу гуляк, потом на Лару, покрутил пальцем у виска и залился веселым хохотом. Из-за стекла брат исчез, а появился у границ огорода, не заходя внутрь.

– Ха! Я тебя засек, как ты от класса прячешься. Трусиха! Всем расскажу, что ты перед парником валяешься.

– Ах так! Сейчас ты у меня получишь! – пригрозила Лара и побежала к брату.

Тот в бег, Лара следом. Долго носились вокруг огорода да по двору. Наконец Лара Тимку догнала, сбила с ног. Вдвоем повалились на землю, мутузя друг друга.

Раздался громкий стук по стеклу. Они перестали драться, посмотрели на окно. Мать с разъяренным багровым лицом что-то кричала, грозя двумя кулаками. Пока поднимались, мама открыла форточку.

– Твою же… оба сейчас получите. Ну-ка идите сюда, гаденыши!

Они нехотя направились домой, зашли в зал. Кася и Сеня сидели на диване, между ними лежала раскрытая детская книга. Мама стояла посреди комнаты руки в боки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.